

ЕЛЕНА ПОТЕХИНА

Она полетела, она все-таки полетела...

ЖЕНСКИЕ ИСТОРИИ

Елена Александровна Потехина

Она полетела, она

все-таки полетела...

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11641784
ISBN 978-5-4474-2086-4*

Аннотация

Я верю, что когда-нибудь я встану на высоком берегу реки, оттолкнусь от земли и полечу над водой высоко высоко, как птица. И белые чайки полетят со мною рядом. И будут кричать, кричать... Только бы сердце не выскочило из груди от восторга. И папа, мой добрый папа, увидев меня, заплачет и скажет:

– Вы видите, нет, вы видите...! Она полетела, она всё таки полетела...

Содержание

Часть 1 Мы родом из детства...	7
Глава 1 Для тех, кто учится летать	9
Глава 2 Злое мороженое	15
Глава 3 Похороны	18
Глава 4 Тот, кто сидит наверху	20
Глава 5 Эта непредсказуемая Нина	23
Глава 6 Волшебное зеркало	26
Глава 7 Заповеди моего отца	30
Глава 8 Смерть бабушки	38
Глава 9 Не Ленка, а сто рублей убытку	42
Глава 10 Эти странные взрослые	47
Глава 11 Все собаки моего детства	51
Глава 12 Планета моих грез	57
Глава 13 Этим не шутят	61
Глава 14 Рождение мёртвой девочки	65
Глава 15 Как я болела свинкой	68
Глава 16 Кому не пропасть	73
Глава 17 Родословная матери	78
Глава 18 Земля моих предков	86
Глава 19 Медвежьи следы	90
Глава 20 Мои учителя	95
Глава 21 Пожар	100
Часть 2 Прощёное воскресенье	106

Глава 1 Что случилось тогда 21.01.81 г.	107
Глава 2 Моя новая семья	121
Конец ознакомительного фрагмента.	126

**Она полетела, она
все-таки полетела...
Женские истории
Елена Александровна
Потехина**

*Моему отцу
Забелину Александру Михайловичу
посвящается*

© Елена Александровна Потехина, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Удивительная штука – жизнь. Мы торопим события, ждём чего-то «такого»... А потом оказывается, что пропустили самое главное, «профукали».

Мы хотим быть на кого-то похожими, соответствовать неким стандартам, и только вредим себе. А мы тем и ценны, что не похожи друг на друга. Господь создал нас такими разными, зачем же спорить с самим Творцом?

Много разных книг мы прочли за свою жизнь. Но есть самая замечательная, самая главная книга – книга жизни, на-

писанная про нас с вами. И мы должны дорожить ею и прочитать её своим детям. А наши дети прочтут её своим детям и внукам. И пусть каждый из нас напишет свою книгу жизни так, чтобы было ощущение радости и завершенности, чтобы не было стыдно за чёрные страницы жизни вне Бога, вне Света, вне Любви (хотя это и одно и то же). И тогда не будет причин бояться за судьбу наших детей, и нам не придется жаловаться на них чужим людям.

А если мы захотим что-то изменить в нашей жизни, то, начнём мыслить, мыслить правильно, мыслить по-новому. Наша жизнь в наших руках. И только мы сможем сыграть в ней главную роль. Мы – сценаристы, режиссеры-постановщики и главные герои в фильме про нашу жизнь. Что это будет? Боевик, комедия, фильм ужасов или рассказ о любви? Нам выбирать. И в нашей власти создать настоящий шедевр.

Главное не стоять на месте, а идти и идти вперёд. Останавливаться нельзя, иначе скатишься вниз, назад и придётся всё начинать сначала.

Часть 1 Мы родом из детства...

С годами открываются для меня всё новые и новые страницы прошлого. Словно не было лет зрелости, юности. Детство, одно детство. Новое осмысление принимают для меня слова:

– Мы родом из детства.

Я – маленькая девочка. Я возвращаюсь в то состояние спокойствия внутреннего и уверенности в глубинном смысле происходящего. Разматываю и разматываю клубочки моей детской памяти, распутываю узелочки. Вспоминаю отдельные фразы. Как непогрешимы были для нас родители. Обстоятельства не зависели от нашей воли.

Голоса, запахи, образы, память сердца, сны... Так вот почему старики впадают в детство!

Поиск чистоты. Поиск себя в себе. Покаяние, очищение, осмысление себя до погружений в глубокое детство. Как это заманчиво!

*Возвращаюсь назад и снова
Провожу своей жизни нить.
Обличаю места изломов
И пытаюсь сейчас спрямить.
Разбираю тугие петли
И распутываю узлы.*

*То ли было мне мало света?
То ль помощники были злы?
Перематываю в клубочки
И хочу поскорей убраться.
Но настойчивый голос дочки:
– Мама, мама, хочу вязать!*

Детство – детство... Как я благодарна Тебе, Господь, за мое замечательное детство. Ведь у меня было всё. Сёстры и братья, река, лес, дедушка и бабушки, был свой велосипед, магнитофон, туфли на платформе. У меня было прошлое моих предков, и был колоссальный запас энергии для будущей взрослой жизни. Я дружила с мальчишками, легко вливалась в любой коллектив, играючи училась в школе, потом так же играючи поступила в институт и закончила его. Во мне с детства сидела вера в свои силы, в то, что у меня всё получится, что всё будет хорошо.

Глава 1 Для тех, кто учится летать

Всякий раз, как только я расправляла крылья и взмывала под облака, согретая ласковыми лучами солнца, появлялся «кто-то в чёрном», натягивал свою тетиву и ..., я падала на землю. Каждый раз я больно ударялась, иногда расшибалась здорово, иногда отделялась царапинами, но всегда думала о том, что нужно встать и учиться «ходить по грешной земле». Иногда я подолгу лежала, не в силах подняться, с надеждой глядя на облака, скрывшие солнце, и, ожидая, не выглянет ли оно снова, чтобы согреть и утешить меня. Но, надо мной сгущались тучи, и у меня уже не было ни сил, ни желаний «чистить перышки, гулить и ворковать». И тогда я закрывалась в своей скорлупке, а снаружи вывешивала табличку «Я больна».

Болезнь приходила ко мне по первому же зову, как старая подружка. Теперь я могла, не торопясь, осмыслить всё происходящее со мной. Я анализировала своё поведение, поведение окружающих и убеждалась в том, что люди ко мне жестоки. Потом я смотрим на себя со стороны обличительным взглядом, и находила, что во всём произошедшем есть большая доля моей вины. Посидев на чувстве вины, я переходила к жалости. Я жалела свою неудавшуюся жизнь, я плакала от обиды и одиночества. К тоске и одиночеству присоединялись уныние и апатия. Я ничего не хотела и не могла делать.

Я прятала в чулан свои крылья и говорила себе так:

– Нет, я больше никогда не буду летать. Если за несколько минут полета мне следует расплачиваться такой дорогой ценой.

*Я запру своё сердце и ключ потеряю.
И тогда заживу, над другими смеясь.
Только стоит ли жить на замке, я не знаю,
Не пара в облаках и, не падая в грязь...*

(далее по тексту курсивом – стихи и дневниковые записи автора)

И так, летать или не летать? Вот в чём вопрос. И почему мир так не любит «летателей»? Потому, что они не от мира сего? А что есть мир? Кучка серых и злых самовлюблённых людей? Или большая толпа с её жаждой хлеба и зрелищ? Или просто люди, населяющие эту планету, слабые и легко внушаемые, подверженные любым воздействиям извне?

Однажды я написала одну сказку. Именно она – эта сказка и помогла мне впоследствии выстоять, сохранить свою цельность и не «прогнуться». Эта история очень легко объясняет нетерпимость людей к тем, «кто летает».

Сказка о прекрасной девушке из долины Грёз

В долине грёз было всё прекрасно: удивительные радужные водопады и стремительные чистые реки, дубовые рощи и

заливные луга, райские птицы и дикие звери, которые не боялись людей и не причиняли им вреда, сильные люди, которые умели красиво работать и отдыхать. Но прекрасней всех в долине грёз была одна девушка. У неё были длинные русые волосы и чистый голос, исполненный неземной красоты. Когда она пела, то люди, заслушавшись её пением, оставляли работу. Когда она шла долиной, то звери выходили приветствовать её.

И вот, однажды, над долиной грёз разразилась страшная буря, и ураганный ветер похитил и перенёс её в долину уныния.

Когда она очнулась, то увидела, что лежит на сером песке. Вокруг неё собрались серые существа, лишь отдаленно напоминающие людей из долины грёз. У каждого из них за спиной был огромный горб, бесцветные глаза смотрели зло и пугливо, бесцветные волосы торчали клочками в разные стороны. Одежда была грязной. Было похоже на то, что эти люди давно не мылись.

Несчастную девушку, как свалившуюся с неба и умеющую летать, отдали под суд. На суде старейшин было решено:

1. Считать женскую особь, свалившуюся с неба, безобразной, а посему, дабы не смущать молодёжь долины уныния:

- а) остричь ей волосы;
- б) из подручного материала устроить имитацию горба;
- в) запретить «прилетянке» издавать гортанные звуки, вызывающие беспокойство (природа этих звуков неизвестна, а

посему опасна);

г) запретить всякие разговоры и общение с «прилетянской»;

д) использовать труд «прилетянки» только на работах, где не требуется высоких умственных способностей.

И вот девушка стала жить в долине уныния. Ей остригли волосы, порвали платье, приделали горб. Ей запретили смеяться, мыться и петь. Её заставляли выполнять самую грязную и тяжёлую работу. Десять долгих лет она провела с серыми унылыми людьми. Она несколько раз пыталась бежать. Но всякий раз её настигали и жестоко избивали. От грязи и безысходности она тяжело заболела. И тогда она собрала последние силы и обратилась к Богу с мольбой о помощи:

– Я обращаюсь к Тебе, Творец неба и земли! Ты учил меня петь и смеяться, различать голоса птиц и понимать язык животных. Спаси меня! Я погибаю. Мне некому дарить любовь. Моё сердце высохло, оно покрыто рубцами от злых слов, серых мыслей и ударов плетью. У меня больше нет сил жить с этими людьми. Я не понимаю их ценностей. Они убивают детей, которые родились без горба. Они злы и завистливы, они боятся и ненавидят друг друга. Их отношения построены на системе доносов. Мне жаль этих людей, но они не хотят ничего менять. А я, я не в силах им помочь. Помогите мне, Господи! Дай мне перед смертью хоть одним глазком увидеть мою долину, хотя бы во сне.

И вот обессиленная, омытая слезами, она засыпает. И

снится ей, что кто-то большой и сильный поднимает её с земли и ведёт к водопаду. И вот она стоит под струями чистой ледяной воды, но ей не холодно. Она чувствует, как с неё спадает грязная одежда, горб, старая кожа. Тело горит и наполняется силой. Она выходит из воды, на ней вновь её прекрасное белое платье. Её волосы удивительным образом отрасли и мягкой волной выются за спиной. Она оглядывается назад и видит у себя за спиной прекрасные белоснежные крылья. Незнакомец улыбается ей. У него тоже за спиной крылья. Он берет её за руку и они, оттолкнувшись от земли, летят к облакам. Тёплый легкий ветер ласкает лицо. Что-то щекочет в носу...

Девушка открывает глаза. Она лежит на траве. Травинка попала ей в нос. Девушка приподнимается, смотрит вокруг. Она на цветочной поляне долины грёз. На ней её прекрасное белое платье с розовыми кружевами. По плечам струятся волосы. Она осторожно трогает своё лицо, одежду, волосы. Не сон ли это? Нет – не сон. Рядом, в тени дуба, лежит её верный друг и защитник – лев Синга. Синга встаёт, потягивается, позевает. Неужели это был сон? Всего лишь сон!? И она десять лет спала?

Девушка треплет Сингу за гриву. И они бегут к озеру. На песчаной отмели резвятся рыбки. Две лани пришли на водопой. Девушка поднимает лицо к небу, покрытому редкими перистыми облаками, и поёт чистым звонким голосом:

– Господь творяй, творяй чудеса!

Творяй чудеса! Творяй чудеса!

Глава 2 Злое мороженое

С моей детской кровати можно было смотреть телевизор. Вот мы и затеяли с сестрой возню на кровати за место в зрительном зале. Она старше меня на целых пять лет и вдвое сильнее. Конечно же, она победила и сбросила меня на пол. Я упала на правый бок и очень неудачно. Нестерпимая боль ожгла руку.

Первым на мой плач прибежал отец. Он поднял меня с пола, усадил на колени и, глядя по голове, прошептал:

– Тише, тише, успокойся, до свадьбы заживет.

Мать с кухни кричала:

– Вечно вас лад не берёт! Разбирайтесь сами. Надоели мне ваши драки. Вот сейчас возьму и налуплю обоим.

Рука моя начала опухать. Отец завязал ее шарфом. Боль была сильной. Я очень плакала. Отец качал меня на руках, гладил по голове. И я постепенно успокаивалась, иногда всхлипывала и вздрагивала. Так и уснула у отца на руках. Утром меня отвезли в больницу, там наложили гипс. А перед моим днем рождения гипс сняли. Мне исполнилось в тот год пять лет.

Отец делал мне тёплые ванночки в большом эмалированном тазу. Он говорил, что это нужно для того, чтобы косточка быстрее срослась. А мать купила мне белое платье в красный горошек. Когда со мной что-нибудь случалось, она все-

гда мне что-нибудь покупала. Однажды она купила мне мороженое. Но это было злое мороженое.

В тот день мы ехали с отцом в автобусе. Он взял меня из садика раньше обычного и сказал, что мы встретим в городе маму. Автобус ехал очень быстро. Я сидела у отца на руках и всё спрашивала:

– А почему автобус так быстро едет? Это что бы нам поскорее маму встретить?

– Да, да поэтому.

Отец был не очень разговорчив. Он больше делал. Я привыкла со всеми проблемами бежать к нему.

Потом мы пришли в какую-то больницу. Я поняла это потому, что там очень пахло лекарствами. Отец остался в коридоре. А меня провели в просторную белую комнату. Женщина в белом халате усадила меня на стул перед большой лампой. Мне надели какой-то фартук из клеёнки и стали привязывать меня к спинке стула. Я хотела заплакать. Но тут в комнату вошел врач. Он мне почему-то понравился, и я успокоилась. Я привыкла больше доверять мужчинам. Он сказал мне, что посмотрит моё горлышко, помажет его. А дальше была боль и кровь, и что-то красное упало в таз к моим ногам. Кричала я очень громко.

Когда меня вывели в коридор, там вместе с отцом стояла мать. Она держала в руках мороженое. Я тогда почему-то с обидой подумала: «Какое мороженое, если у меня из горла кровь течёт».

Но врач сказал:

– Да, да, нужно скушать мороженое.

И я съела это мороженое. Хотя мне тогда казалось, что я ела ежа. Это мороженое осталось в моей памяти, как злое мороженое. Это было второе памятное мороженое в моей жизни. Первое я съела на похоронах своего дяди Сергея.

Глава 3 Похороны

Почему-то я вспоминаю этот день, как один из насыщенных событиями и поэтому радостных дней.

Я помню своего дядю по фотографиям молодым, улыбающимся, с пышной шевелюрой светлых волос. Он умер в тридцать три года от рака желудка.

И всё-таки на его похоронах мне было почему-то радостно. Может быть, своим детским сердечком я почувствовала, что смерть его – это избавление от страданий, это тихая радость. Но тогда я, право же, об этом не думала.

Я пробежалась через двор, выложенный ельником, потому, что увидела в конце двора отца. На мне был трикотажный костюмчик темно– оранжевого цвета и берет, из-под которого торчали озорные косички.

– Мальчик, не бегай по веточкам! Нельзя!

– Это я-то мальчик?! Какая глупая бабушка.

Ко мне подошла сестра и взяла меня за руку. У неё был озабоченный вид. Она тоже сердилась на меня. Непонятно почему. Ведь так светит солнце и так весело, и вокруг столько людей. Они все обнимаются, как старые знакомые.

Потом все зашумели. Стало еще больше народа. И вот уже целая толпа вышла на улицу. Здесь же были все мои двоюродные сестры и братья. Их у меня целое море. Нам дали денег на мороженое, чтобы мы не мешались под ногами. И мы

побежали к киоску мороженого.

В киоске работала весёлая продавщица. Как я ей тогда позавидовала. Вот бы мне работать продавцом мороженого. Продавщица брала вафельный конусообразный стаканчик и заполняла его белой массой из какой-то трубочки. Это было моё первое мороженое. Самое замечательное мороженое в моей жизни.

У завода мы все сели в автобус и поехали на кладбище. Мою двоюродную сестру Нину посадили к водителю, потому что её всегда тошнит в автобусе, и она всю дорогу кричала: – Дядька, останови! Выпусти меня! Дядька противный!

Потом её забрали в грузовик. И она там успокоилась. А я смотрела в окно. Я очень люблю ездить куда угодно, на чём угодно. Меня никогда не тошнит. Могу ехать вперед лицом, назад лицом, даже вниз головой, мне всё равно. Лишь бы ехать. Наверное – это страсть к путешествиям. Однажды...

Глава 4 Тот, кто сидит наверху

Однажды, летом мы связали две камеры от грузовой машины. Получился настоящий плот, замечательный плот. И мы решили плыть на нём по нашей речке – Казохе. Но мы представляли, что это вовсе не Казоха, а Амазонка. И что сейчас из-за поворота покажутся индейские пироги. Мы – это вся наша команда. И все мы – двоюродные братья и сестры. Я с Наташей, Оляка с Толиком, Нина с Санькой. Было здорово интересно и немного страшно. Мы плыли по реке, заросшей кустарником. Но когда Толик сказал, что Амазонка кишит аллигаторами, то я невольно поджала ноги под себя и чуть не плюхнулась в воду.

С рекой связаны мои самые светлые воспоминания. Я могла часами смотреть на воду и не замечала времени. И сколько там было в ней забавного и интересного. Жуки – плавунцы, усатые гальяны, существа, похожие на скорпионов, только очень маленькие. Игра воды и света, тишина и звук бегущей воды, её удивительная песня.

В тот день Толик (он был старше всех) поспорил с Санькой, кто из них самый смелый. Мы были «прекрасными дамами» и они нас должны были защищать от врагов. Толик всегда в душе был рыцарем. Я думаю и остался таким до сих пор. Он здорово изображал д*Артаньяна. Очень много читал. Но самым замечательным был в его исполнении Лимо-

надный Джо.

Так вот всю дорогу с реки Толик с Санькой спорили, размахивали руками, призывали в свидетели Нину с Наташей. Нас с Ольгой в свидетели не брали. Мы были самые младшие, и нас можно было «подкупить конфетами».

В самый разгар спора поднялся сильный ветер. И тогда мы увидели, что начинается гроза.

Толик закричал:

– Торнадо, приближается торнадо! Всем в укрытие!

Мы побежали к нам домой. И только мы запрыгнули на крыльцо, как грянул гром и пошёл такой ливень, что земли было не видно.

Толик с умным видом провозгласил:

– Начался сезон дождей. Теперь охоту на аллигаторов придётся отложить. Амазонка выйдет из берегов и зальёт всё устье. Но хуже всего то, что гигантские анаконды будут подплывать к самым хижинам индейцев.

Толик был очень начитанным мальчиком. Мы слушали его, затаив дыхание. А при упоминании о гигантских анакондах мы все бросились в дом и там закрылись на все запоры.

Снаружи бушевал ветер, гремел гром, было почти темно. А мы сидели на кухне, закрыв двери на все крючки. Было здорово страшно и интересно.

Тут с чердака послышались странные звуки, какая-то возня и писк. Кто-то вспомнил детектив о трёх поросятах. И все почему-то посмотрели на нас с Олей. Наверное, мы были са-

мые маленькие и «молочные».

Толик с Санькой взяли в руки все ножи и вилки, какие нашлись у нас в доме, и решили идти на чердак, чтобы сразиться с «тем, кто сидит наверху». Я представляла «того, кто сидит наверху» очень страшным, черным и лохматым. У него были огромные горящие глаза. Я знала, что его очень трудно поймать, потому что он может становиться невидимым. И еще «тот, кто сидит наверху» не боится ни вилок, ни ножей. Он боится чего-то другого. А чего, я тогда не знала.

Глава 5 Эта непредсказуемая Нина

Позднее Санька с Толиком увлеклись игрой в мушкетеров. Они целыми днями фехтовали на шпагах. Шпаги они сделали из толстой проволоки и консервных крышек.

Нина была принцессой, заточенной в замок злого короля. Мы ей надели на голову большую тюлевую занавеску, в которой она постоянно запутывалась. По сценарию в то время, как мушкетеры пробирались в башню, Нина падала в обморок. И один из мушкетеров выносил её на руках. Но Нина была очень упитанной девочкой, и Толик не мог поднять её один. Они с Санькой брали Нину за ноги, за руки и тащили через палисадник. Тюлевая занавеска путалась у них под ногами, цепляясь за кусты барбариса.

Конечно, нам с Олькой тоже хотелось побыть принцессами, ну, хоть самую малость. Но никто из нас не был такой красивой и капризной, как Нина. Да и взбалмошной тоже. И хотя мы все её очень любили, но она могла выкинуть такое...

Я помню, что про неё рассказывала ее мама. Когда Нина была ещё совсем – совсем маленькой, то очень конфликтовала со своим дедом. Мы все с ним конфликтовали, потому, что он был очень вредный. Даже мой отец с ним однажды поконфликтовал маленько, и получил от него доской по спине, и долго-долго на него сердился. Так вот, когда Нина была совсем – совсем маленькой, то забралась вместе с детским

горшком на шифоньер и там сделала свои дела. А её вредный дед ходил по дому и искал её: «Где Нина, где Нина?»

А однажды она взяла мою куклу и сказала, что хочет с нею немного прогуляться. Это была моя первая настоящая большая кукла. И я так берегла её. Я знала, что эта кукла из папье-маше. И предупредила, чтобы Нина ни в коем случае не мочила её. Но лучше мне было этого не делать. Нина дала мне честное слово, что не причинит моей кукле вреда, только погуляет с нею. Минут через 10–15 она действительно вернулась. В руках она несла нечто странное. Я присмотрелась и поняла, что это – кукольные глаза на двух проволочках. Она протянула мне эти глаза и сказала, что только окунула куклу один разок в бочку с водой, так как было очень жарко. А я тогда подумала:

– Наверное, она сразу от меня бегом побежала к бочке с дождевой водой. Нет, нельзя верить принцессам, ну вот ни сколечко, особенно капризным и избалованным.

Но я на неё не могла долго сердиться. Так, немножко посердилась, а потом простила. Ведь она была неподражаема. И с нею было так интересно. Ведь никогда не знаешь, что она ещё может выкинуть.

На моей губе слева внизу хороший шрам. Я плохо помню, но, по-моему, это тоже её рук дело.

Мы тогда играли в лапту, а я стояла сзади. Подающий сделал несколько примерочных постукиваний по чижикам, а потом как... размахнется. И я получила такой удар, что в гла-

зах потемнело и в зубах тоже. Из губы хлынула кровь. Я подставила ладони, и они в один миг наполнились алой жидкостью. Я не уверена, что этот удар нанесла Нина, но по всем приметам это должна была быть она. Швы тогда не принято было накладывать. И у меня остался большой шрам на губе. Память о моём буйном детстве.

Говорят, что шрамы украшают мужчин. А я всегда дружила с мальчишками. Так что любила похвастаться своими шрамами на теле. А вот запах марганцовки я не переношу до сих пор. Именно потому, что в детстве мои раны промывали марганцовкой. С детства запах марганцовки ассоциирует у меня с видом крови. Если бы я не была такая «тихая и послушная» девочка, то у меня было бы вдвое больше шрамов. А может быть, и нет. Моя сестра не была такой осторожной, как я, а шрамов у неё нет.

Глава 6 Волшебное зеркало

Сестра моя в детстве была очень стремительной. Уборку по дому мы делали пополам. Сегодня она убирает комнаты, а я кухню, завтра наоборот. Но, учитывая разницу в возрасте и то, что я не умела всё так быстро раскидывать по своим местам, можно понять, что я всегда оставалась в прогаре. Мне тогда казалось, что она хитрит. И я всегда вспоминала сказку про мужика и медведя (ту, где вершки и корешки). В отличие от своей сестры я была медлительной, делала всё тщательнее и увязала в мелочах.

Мы жили в деревянном доме – пятистенке. В другой половине дома жили наши дед с бабкой – Михаил Антонович и Фелицата Афанасьевна. К ним можно было пройти через чердак или подвал.

Вообще-то мне наш дом казался тогда огромным, полным неисследованных уголков и населенным разными духами. Я часто брала большое старое зеркало и ходила с ним по дому. Это было настолько увлекательно, что я иногда даже опаздывала в школу. Я видела в зеркале люстру у себя под ногами и осторожно обходила её, потом, подходя к двери, высоко задирала ногу, чтобы перелезть через дверной косяк. Я попадала в другой мир зазеркалья. И это было так необычно.

Я была девочкой задумчивой и мечтательной. Очень любила рисовать. По всему дому были разбросаны мои рисунки.

ки. Мой письменный стол стоял возле окна. Слева – лампа дневного света. У стола была откидная крышка. Так что можно было её закрывать, и никакого беспорядка в столе не было видно. Мне это очень нравилось. На верхней перекладине стола стоял радиоприемник с проигрывателем. Я умудрялась слушать радио и делать уроки одновременно. Особенно мне нравились инсценировки сказок и радиопостановки.

Мать привила нам с сестрой любовь к музыке и балету. У нас было море пластинок. Вальсы, полонезы, музыка к «Лебединому озеру», «Щелкунчику», «Золушке». Всё это осталось на чистом листе моей детской памяти прекрасным и удивительным. Я даже помню голоса, которыми говорили герои, их интонации; моменты, когда вступала флейта, как били часы на королевской башне.

Сейчас, записывая на диски свои детские рассказы и сказки, я пользуюсь тем детским арсеналом. И поэтому, зачастую, непроизвольно, начинаю говорить голосами забытых сказочных героев из моего детства. Я и сейчас слышу голос моей любимой актрисы:

– Я – мальчик-колокольчик из города Динь – Динь...

Я была совсем не похожа на свою сестру. У сестры была тонкая кость, она была выше меня. Она занималась балетом в студии при доме пионеров. У нее была настоящая белая пачка и пуанты с атласными лентами. У сестры были русые волосы и большая красивая коса. А мои волосы были темными, косички – тонкими. Мать мечтала, что моя сестра ста-

нет балериной. Она часто говорила своим подругам, которых приглашала к нам в дом:

– Нет, вы только посмотрите на её кость! Как она сидит, как изящно выгнута её нога.

Сестра окончила студию при доме пионеров. Нужно было ехать в Москву, чтобы учиться танцам дальше. Но я не помню, чтобы при мне это обсуждали. В общем, пуанты исчезли из нашего дома. А вот любовь к танцам осталась навсегда. Параллельно с танцами у сестры открылся режиссёрский талант. И мы поставили на домашней сцене «Спящую красавицу» с элементами танца. Это было здорово! Для декораций мы красили марлю и посуду в голубой цвет. В перерывах между действиями, когда меняли декорации, я выходила из-за занавеса и читала стихи:

Котик-мотик-обормотик,
Ты зачем написал в ботик?
Мама ботик одевала,
Шибко котика ругала.

Возможно, с тех пор мне кружат голову аплодисменты.

Я была совсем маленькой, когда увидела этот страшный сон. Сон потом в точности исполнился. Правильнее было бы сказать, мне был показан этот кошмарный сон. Я видела свою мать совершенно нагую. Она стояла в какой-то грязной луже. И вдруг она начала оседать (опускаться) в эту грязную лужу, словно таять. Это происходило на моих глазах. И я

ничего не могла поделать. Я кричала и не слышала своего голоса. И вот передо мною одна только грязная лужа, мерзкая грязь. Парализующий страх охватил меня. Я снова закричала и проснулась. До самой смерти матери я никому не рассказывала этот свой сон. Никому, никогда. Я ждала, что «это» случится. Я предупреждала об «этом» отца, но он не хотел меня слушать и «это» случилось. Очень трудно спасти человека, если он сам не хочет спасения. Да, пожалуй, это просто невозможно. И хотя я со временем простила свою мать, но где-то там, в глубине души сидит моя детская обида на неё за то, что она выбрала «это»; за то, что она не целовала меня перед сном и не рассказывала мне сказок. Её светлый образ из раннего детства исчез, в памяти осталось лицо раздраженной, уставшей от жизни женщины, её окрики. Мне кажется, она никогда не разговаривала со мною спокойно.

Однажды мать с отцом ходили в гости и пришли очень поздно. Я не помню, где была в это время моя сестра. Я только помню, что мать уснула тогда на моей детской кроватке. Я сидела на полу возле неё и плакала:

– Мама,пусти меня! Я спать хочу! Мамочка, проснись, иди на свою кровать! Я хочу спать!

Когда у меня что-нибудь болело, или я всё плакала и никак не могла успокоиться, отец иногда давал мне потрогать осколок снаряда у себя в ноге. Этот осколок остался у него с войны. Вообще-то отец не любил рассказывать про войну. И то, что я помню – обрывочно, смутно...

Глава 7 Заповеди моего отца

Предки отца были староверами. Переехали в Кинешму после войны. Это была большая семья. У отца два брата и три сестры. О детстве отца я знаю очень-очень мало из его личных воспоминаний. А я уже говорила, что он был не многословен. Помню, что отец рассказывал о каком-то старом доме, где был земляной пол. Спали прямо на полу на тюфяках, набитых соломой. Эти тюфяки вносили в дом на ночь. Отец никогда не искал комфорта, вставал очень рано – «кто рано встаёт, тому Бог подаёт». Он приносил воду с колодца, разгребал снег во дворе, топил угольный котёл. Отец окончил судоремонтное училище в Сокольском, был не плохим плотником – «работа топорная, но сделана на совесть» или – «делай хорошо, плохо всегда будет». Это все афоризмы моего отца.

Как жаль, что моя мать не брала меня на руки, не целовала меня и никогда не шептала мне таких глупых, нежных и таких нужных мне слов: «Котеночек мой, зайчик, белочка моя...»

Моей матерью больше был отец. И хотя он делал это грубо, по-мужски. Но я ему очень благодарна за это. Он мне давал то, что я не получала от своей матери.

Он был очень добрый и весёлый, мой отец. Он никогда не унывал.

Упала у нас, однажды, поленница дров, а отец весёлый такой бежит:

– Услышал Господь мои молитвы! Я всё думал, как бы мне столбы бетонные для забора из-за поленницы достать?

Помню летний день. Мы лежим с отцом на траве возле речки. Рядом стоит корзина с грибами. По небу плывут облака. В траве щебечут кузнечики. Гудят шмели. Я сажусь, вытягиваю босые ноги, растираю намятые пальцы. Блаженство.

Отец тоже поднимается:

– Ну, что пойдём к дому? Отдохнула? Смотри, смотри! Только тише.

Отец указывает мне в сторону омута в зарослях ольхи.

– Видишь?! Вот это бревнище!

Но я ничего не вижу.

– Да не туда глядишь. Смотри ближе у осоки. Вот это щука! Эх, сейчас бы стругу. Ну вот, ушла. Ну и здорова! Не иначе, в половодье на икромёт зашла.

Мы немного постояли у воды, любуясь жёлтыми кувшинками, и повернули к дому.

– Однажды, мы с моим отцом шли заливным лугом. И я там щуку поймал, прямо руками. Не меньше этой. Ну, у меня тогда и радости было. И бабка с тех пор на меня меньше сердиться стала.

– А за что она на тебя сердилась?

– А я горку у неё уронил с посудой. Она на меня за это крепко сердилась. Я в детстве здорово озорничал. И злой

был. Помню, Нюра с Дуняшкой меня раздражили. Так я схватил топор и – за ними. Хорошо ещё, что они в подворотню сунулись.

– А то?

– А кто его знает. Глупый был. Тятка мне тогда крапивой настегал. Я тот урок надолго запомнил.

– А тятка – это дедушка?

– Да.

– А почему он ослеп?

– Лес мы тогда рубили. Ну, ему щепка и попала в глаз. Да тогда мы по врачам не ходили. Глаз промыли. Поболел глаз, да вроде и зажил. А какое-то время спустя бельмо вышло на глазу-то. А потом и второй глаз ослеп. А дед у нас – что надо был. Ему в первую мировую пятку снарядом срезало. В госпитале он лежал, Ленина там видел.

– Здорово. А почему ты его тятя зовёшь?

– Да так. Уж так у нас заведено было. А бабку все мамка звали. И слушались все. Отец только бровью поведёт – все за дела. Родители – это святое. Я отца только один раз обидел и то себя простить не могу.

После войны я в Германии служил, генерала возил. Вроде деньщика у него был. И обед ему варил. Собака там у меня была – умница. А домой вернулся – герой героем. Кто я! Ну, дома стол собрали. Отец и выпил лишнего. Ночью мы – спать, а он – баламутиться. И ворожит, и ворожит. Уж мы его и так, и эдак. Не спит, да и только. И тогда я его пьяного

в подвал и посадил. Крепко он на меня тогда обиделся. Молодой я тогда был, глупый. А родители – это святое.

Именно отец преподавал мне мои первые уроки мудрости, которые я помню до сих пор:

- Не бери чужого, отдай своё.
- Дают – бери, а бьют – беги.
- Каждый гадкий найдёт себе противную.
- Береги платье с нови.
- Помолчи, за умного сойдёшь.
- Бей своих, чужие бояться будут.
- Сын – в отца, отец – во пса, весь род – собачий.
- Кому поп, кому попадья, а кому попова дочка.
- Не нам попов судить, на то черти есть.

Отец научил меня готовить, вышивать, молчать, пока не спросят, слушать, когда говорят другие. Я помню коврик с рыбаком и рыбкой в моей спальне. Его вышивал отец вместе с моей матерью. Лоскутное одеяло, которое сшил мне отец. Украинский костюм, который отец вышивал для меня крестом, когда я ходила в детский сад. Костюм лисички на Новогодний утренник в школе. Его тоже сшил мне отец.

*Я помню, в детстве каждый день
Был полон новизны.*

Цветы, улыбки, игры, смех

И сказочные сны.

И страхи детские мои,

И детские мечты.

*И был мне другом старый лес,
Мы были с ним на «ты».
Учил с консервами бульон
Отец меня варить.
Когда-то с ним мечтали клад
В овраге мы отрыть.
Учил меня он вышивать
И говорить не вдруг.
Он был мне добрый врач и мать,
И мудрый верный друг.
Учил меня искать грибы,
Открыл секрет ухи.
И думал прежде, чем сказать,
Учил со мной стихи.
И математику решал,
И на руках носил,
И ноги салом растирал,
И мало говорил.
Как мало пожил ты, отец.
Хотел до ста дожить.
Ты много делал добрых дел.
И не любил учить.*

Когда в доме ещё не было центрального отопления, дом обогревался от двух печей. Как я любила сидеть у подтопка на опрокинутом табурете и смотреть на огонь. Иногда отец садился возле меня, и мы просто тихо сидели и молчали.

На 8 марта все женщины в нашей семье получали подар-

ки. Мне отец обычно дарил куклу, пока я ещё лежала в постели. Я уверена, что подарки выбирала мать, но вручал их отец. Он делал это как-то неуклюже. Но сквозь напускную грубоватость проглядывала удивительная нежность.

До школы я часто болела. Помню шершавые руки отца, когда он растирал мне салом грудь и ноги. Потом надевал шерстяные носки, завязывал меня пуховым платком. Отец поил меня горячим молоком с маслом и содой. Молоко было очень невкусным, но я его пила. Я помнила, что должна быть послушной девочкой.

Однажды мы ездили в деревню Прудово Сокольского района на родину отца. Мне было тогда лет пять. Я мало что запомнила из этой поездки. Автобус, в котором нас так трясло, что, приехав, мы тут же побежали с сестрой на двор. Удобств там не было. Я это точно запомнила.

Помню сладкие дыни, которыми угощала нас бабка Анна. Они росли у неё прямо на грядках. Помню баню, в которой мы мылись. Она топилась по-чёрному. Но больше всего меня поразил цветущий лён. Огромное, голубое, бескрайнее поле. Больше я никогда нигде не видела такой красоты.

И ещё мы шли откуда-то ночью лесом. Я ехала на шее у отца. Было очень темно и немного страшновато. Рядом с отцом – справа шёл мужчина. Он много курил. Мне это не нравилось. Я запомнила рассказ этого мужчины в тот вечер:

– Шёл я здесь как-то, припозднился. Этой дорогой в Прудово. Лето было, август. Но темнота... Глаз выколи. Ни од-

ной звезды на небе не видать. Иду и дорогу ногами проверяю, чтобы не сбиться. Тут слышу, что-то мягко под ногой. Не иначе, в сторону ушёл. И решил я тут закурить, да посветить под ноги. Только спичку зажёл, а передо мною – рога. Корова на дороге стоит. Кабы я не остановился закурить, то точно на её рога налетел бы. Вот бы страху натерпелся. В темноте, да на рога. Так мы вдвоем с коровой в деревню и пришли.

Наша память – удивительный дар. Но ещё удивительнее – способность забывать. Если бы мы помнили все наши обиды и невзгоды, все радости и мечты. Если бы мы чувствовали всё так же остро, как 10, 20, 30 лет назад... Наше сердце просто не выдержало бы такой нагрузки. Чувства притупляются. Обиды забываются. Эмоции сглаживаются. И только детская память сохраняет события давно минувших дней до мельчайших подробностей, до оттенков интонаций, до тончайших запахов:

*Мы во времени живем, занимаем, тратим.
Мы по времени спуем, мы за время платим.
Уплывая и паря, обретая вечность,
Мы во времени растим нашу человечность.
Унесет за горизонт будничное время.
Это время – быстрый конь, суетное бремя.
Только есть другой воды время неземное.
Как вам это объяснить? Что это такое?
Это вечность, это мир в маленькой ладошке.*

*Это целый океан даже в чайной ложке.
В нем такая глубина, высота такая...
Это можно объяснить, только познавая.
Это время не зажать в формулы земные.
Вся вселенная внутри, если мы живые.
Перед нами в краткий миг жизнь предстанет наша.
И обиженный малыш, и на стуле каша.
Ложь, наветы, клевета, вся неправда ночи.
Что мы сделали во зло, вдруг увидят очи.
Но, когда пройдет беда, минует лихое,
Удивимся, в миг года убрались с лихвою.
У печи старушка – мать учит нас терпенью,
Дед кадушку мастерит доброму соленью.
Мы на горке черный хлеб с луком уплетаем,
Теплых крохотных щенков в конуре считаем.
Это время нам дано, как прикосновенье,
Как объемное кино или озаренье.
Только, если захотеть, очень постараться,
Можно время разглядеть, по нему подняться.*

Глава 8 Смерть бабушки

Вижу себя совсем ещё маленькой. Сижу на кухне. Мать приносит мне целое блюдечко земляники. Она его собрала для меня! Нет, подумать только! Это она, моя мать, лазала по горам, чтобы набрать мне земляники.

Старшей сестры нет дома. Она в пионерском лагере «Лапшиха». Я правлю балом. В доме тишина. Я могу делать, что угодно. Но мне это быстро надоедает. Приходит Олька. Мы играем со щенками. Потом бабушка Фелицата приносит мне новое ситцевое платье. Платье такое же, какое купила мне накануне мать. Мать топит печь, ставит напротив печи оцинкованную ванну и моет нас с Олькой обоих в этой ванне. Мы сидим в ванне и смотрим на огонь. Потом нам надевают одинаковые синие платья. Ольке платье чуть-чуть велико.

Приходит с работы отец. Мне нравится, что от него пахнет машинным маслом, бензином и ещё чем-то. Отец садится за стол и достает газету. Мать отбирает газету. Отец вытаскивает из-под стола новую и подмигивает мне. Меня учат жевать мясо. Нужно «провернуть» мясо во рту 40 раз, чтобы было правильное пищеварение. Я старательно жую, согласно инструкции.

По воскресеньям мы обычно собирались у бабушки. Мы знали, что у неё для нас всегда что-нибудь найдётся. А приходило нас к ней обычно 6–7 внуков. У бабушки был специ-

альный мешочек в шкафу, где для нас лежали конфеты и печенье. У бабушки нам разрешалось делать всё, что мы захотим. Мы переворачивали дом вверх ногами. Стаскивали на пол подушки, одеяла, строили дома. Заканчивалось тем, что являлась наша мать и выгоняла нас всех на улицу. Бабушка нас очень любила. Я никогда не слышала, чтобы она закричала или просто повысила голос. Она всегда что-то делала. Даже будучи смертельно больной, она копала грядки. Она перекопала большой луг перед домом, засеяла его травой. И на следующий год на нем уж очень пышно цвели одуванчики. У нее тоже был рак желудка.

Однажды бабушки не оказалось дома. Но, поскольку мы всё-таки пришли, то дед вынес нам мешочек с гостинцами. И сказал, чтобы мы сами взяли по конфетке, ведь он не видит, сколько нас пришло. Мы запустили руки в мешочек. Кто-то подходил несколько раз, а кому-то не досталось вовсе. Дошло до слёз. Хорошо ещё, что пришла тётя Руфа (мать Ольки и Толика) и быстро с нами разобралась. Я помню ещё одну историю, которая произошла с нашим дедом.

Его оставили водиться с Толиком, которому было тогда года два. Толик нашёл чернила и разлил их по столу. Он шлепал ладошкой по чернильной луже и хохотал. Дед подошел поближе, чтобы понять, над чем так веселится ребенок. Толик намочил руку в чернилах и похлопал ею деда по щеке, ещё намочил и ещё похлопал. Дед решил, что эта лужа самого естественного происхождения и тоже посмеялся:

– Ай, яй, Толик! Написал и хулиганишь над дедом! Ай – хулиган!

Я не знаю, что им тогда сказала бабушка, когда их такими увидела. Но то, что их долго отмывали – это факт.

В бабушкином доме было много икон. Но о Боге со мной тогда никто не разговаривал. А жаль. Бабка с дедом делали свечи (катали). Потом они передали это дело моим родителям. Иногда и я помогала им. После этого в дом стали приходиться незнакомые женщины – покупательницы. Позднее я уже всех их знала по именам – Нюрка, Васиха ... Я понимала, что это незаконное производство и старалась держать язык за зубами. С тех пор в доме появился достаток. Родители сменили мебель, купили ковры, пылесос, холодильник и даже «Жигули». Но мать стала попивать. И всё потом стало плохо, очень плохо.

Плохо стало после смерти бабушки. Она умерла зимой. Мы в тот день ездили в цирк в Иваново и уже не застали её в живых. Отец очень переживал из-за этого, обвинял себя. Теперь я понимаю, что бабушка тогда была для всех нас неким соединяющим стержнем. Именно она скрепляла и держала на себе всю большую семью. После её смерти что-то распалось. Мы уже не собирались так все вместе. Чувствовался какой-то разлад. Дед сразу сдал и пережил её не на много:

*Я открою книжицу, малую свою.
С нею, как с подругою, я заговорю.*

*И рождаются добрые, светлые слова.
Это лик Спасителя смотрит на меня.
Взор незатуманенный в детство обращаю.
О добре, утраченном, тихо загрузию.
 Попрошу у прадеда вывести коня.
Знаю, лик Спасителя смотрит на меня.
Оживает в сердце сказка – старина.
С бабушкиной прялкой сяду у окна.
Вот у самовара вся моя родня
Тихо и спокойно смотрит на меня.
Темные иконы в уголке стоят,
Теплится лампада, две свечи горят.
И через столетья, как водой кропят,
Души наших предков с нами говорят.
Будто защищая, словно отводя,
Но не осуждая, разве что любя.
И сказала бабка: «Милое дитя,
Видишь, лик Спасителя посмотрел на тя.»*

После смерти бабушка явилась моей матери ночью сидящей на кухне, катающей свечи. Она сердито посмотрела на мою мать, но ничего ей не сказала. Мать присмирела на какое-то время. Но потом снова начала приводить в дом подруг.

А по весне на мое окно прилетела белая голубка. Она постучала в окно клювом и долго-долго смотрела мне в глаза своими нежными маленькими глазками. Мне сказали, что она принесла весточку от моей бабушки.

Глава 9 Не Ленка, а сто рублей убытку

Отец рассказывал мне, что когда я была маленькой, то по ошибке съела дождевого червя. Ну, может не полностью, а только кусочек. Но мне от этого не легче. Ничего себе родители! И так спокойно об этом говорить! А дело было так:

Отец копал грядку под лук, а я ходила рядом и собирала в консервную банку червяков. Потом я относила червей курицам и возвращалась к грядке. Мать вынесла мне бутерброд с маслом, чтобы «я не умерла с голода». Так вот, представьте, что в одной руке я держу бутерброд, а другой рукой подбираю червей и кладу их в банку. Ну, в общем, в какой-то момент я перепутала бутерброд с червяком и ... Отец говорил, что услышал странный хруст. И... Вытащил изо рта у меня то, что успел. Еще он говорил, что после этого я стала очень хорошо кушать и сделалась этакой пышкой. Только мне все эти рассказы очень неприятно вспоминать. Да и большое подозрение у меня насчет правдивости всей этой истории. Но червей я все-таки воспела в своей ранней (детской) поэзии:

*Червяки кривляются —
Спортом занимаются.*

Я знаю, что многие в детстве грызут ногти, угольки, кир-

пичи, мел едят. У кого чего не хватает. Чего же у меня тогда не хватало?

По червям в школе у меня была пятерка. Задали нам на дом как-то практическую работу – «Исследование поведения дождевых червей и их реакция на воздействие различных раздражителей». Эту практическую работу мы выполняли с подружкой в нашем огороде. Я даже помню, как звали мою подружку. Имя учительницы долго не могла запомнить, а вот Сару Беккеровну Миттахуддинову запомнила сразу. Для опытов мы выбрали самого жирного и длинного дождевого червя. Мы изучали, как он реагирует на солнечный свет, на укол иголкой, прикосновение кусочком лука, измеряли наименьшую длину сжатия. Но вот наибольшую длину растяжения измерить забыли. Когда мы вспомнили об этом, то оказалось, что червяк уже не «дееспособен», иначе говоря, не подает признаков жизни. Тогда мы решили растягивать червяка вручную и... немного не рассчитали усилия (разорвали). Теперь-то я понимаю, что мы использовали технологию, больше подходящую для изучения сопромата.

Отец подшучивал надо мною не только из-за дождевых червей. Он иногда называл меня «не Ленка, а сто рублей убытку». Это, наверное, потому что я очень часто была посуду. Водопровода у нас не было, поэтому посуду мы мыли в большом эмалированном тазу. Стаканы я переворачивала вверх дном и оставляла на столе стекать. Стаканы стекали и начинали «ползти» по мокрой клеенке к краю стола. Но я

была начеку. Некоторые стаканы не просто крались, но еще и шипели на меня и булькали. Я была очень бдительна, грозила стаканам и отодвигала их назад. Но они были упрямы, этакие – «суицидисты». Иногда я успевала убрать стаканы в шкаф, но иногда меня отвлекала кошка или приходил кто-нибудь. И стаканы, уловив момент, прыгали со стола. Да еще, выливая из ведра воду на кучу с мусором, отец обнаруживал в нём периодически чайные ложки. Он приходил домой и говорил трагическим голосом:

– Нет, нет – это не Ленка, а сто рублей убытку.

И еще он иногда добавлял:

– И вообще, ты у нас какая-то нечистокровная.

И почему он так говорил? Непонятно. Мой отец всегда был себе на уме.

Однажды мне приснился сон, что я ела конский щавель и у меня в животе после этого завелись черви, которые грызли меня изнутри. Сон был очень яркий и поселил во мне смутное чувство тревоги. Я вспомнила рассказ бабушки о том, какие она испытывала боли перед смертью. В особенности её слова «как черви изнутри гложут». Я решила, что у меня тоже рак и стала к себе прислушиваться. Рак не заставил себя долго ждать и у меня начались сильные боли внизу живота. Я долго терпела боль, скрывала от родителей. Но дело дошло до рвоты и пришлось вызвать «скорую». В больницу со мной опять поехал отец. Диагноз был обычный – гнойный аппендицит. Меня оперировали под местным наркозом. До

конца операции отец сидел в приёмной. Я думаю, что он за меня молился.

Операцию мне делал молодой хирург. Он попросил меня что-нибудь рассказать о себе, о жизни. А поскольку я очень доверяла мужчинам, то начала с ним запросто болтать. Я рассказывала разные смешные истории, которые со мной происходили. В общем, мы чудесно пообщались. Только в конце было немного больно, и я покусала губы. Когда операция была закончена, я хотела встать и идти. Но мне сказали, что за мной приедет «Чайка».

Операция закончилась ночью. Наверное, отец тогда шёл пешком через весь город ночью домой. Он всегда был со мной в трудные минуты. Как жаль, что я не смогла сделать то же для него.

Но я уверена, он всегда рядом, мой отец. И я зачастую думаю примерно так:

– А чтобы сейчас по этому поводу сказал отец? Чему он меня учил?

А учил он меня больше делами. Нет, даже не делами, а поступками. Учил быть неприхотливой в еде, в одежде, быть терпеливой и сдержанной, обходиться без посторонней помощи. Даже в сказки он привносил своё:

– У одного отца было три сына. Два умных, а третий – футболист.

– Жили-были старик со старухой. И никого-то у них не было кроме разбитого корыта.

Было в нём что-то спокойное и правильное. И я ему верила. Отец не гнушался никакой работой. Он никогда не делил дела на мужские и женские. Мыл полы, полоскал бельё, готовил обед, нянчил детей. Отец работал слесарем, плотничал, «шоферил». Он очень многое брал на себя, причём оставался при этом где-то в тени и никогда не требовал никакой благодарности.

Глава 10 Эти странные взрослые

В детстве мне нравилось подражать голосам различных животных. Я кудахтала курицей, воспроизводила диалоги котов, могла изобразить козу, лошадь, щенка и лягушку.

О, лягушек я любила особенной, нежной любовью. Вместо грибов, я собирала в лесу лягушек в корзинку. Мне очень нравились эти удивительные создания. Их большие глаза, пальчики, как у людей. До сих пор не понимаю, почему у некоторых людей к ним негативное отношение?

Однажды мы устроили пикник в лесу. Жарили на костре хлеб, пекли картошку. Взрослые сидели вокруг импровизированного стола и пели «То не ветер ветку клонит...»

Мне наскучило слушать их заунывное пение, и я решила всех немножко развеселить. Для этого я поймала большую лягушку, подошла к своей самой любимой и весёлой тетке Тане, погладила её по спине. Тётка Таня приветливо улыбнулась мне и снова повернулась к поющим. В этот самый момент я и засунула ей за платье свою замечательную большую и холодненькую лягушку. Для усиления эффекта я придавила лягушку сверху рукой. Я думала, что вот сейчас-то будет веселье. Все будут хохотать и хвалить меня за находчивость. Но получилось всё наоборот. Тётка Таня почему-то закричала не своим голосом, потом начала прыгать, пока из-под платья не вывалилась лягушка. С ней даже бы-

ло плохо, и все искали какие-то капли. А меня отругали и отправили домой.

Странные люди эти взрослые. И веселиться-то по-настоящему они не умеют. Едят, пьют, поют свои дурацкие песни, устанавливают какие-то условности, правила поведения, нормы. А ведь иногда так здорово побыть самим собой, немножко раскрепоститься. Повалиться на траве, побегать босиком по лужам, искупаться в реке прямо в платье и босоножках, почесаться спиной об косяк, как это делал мой отец. О, он здорово чесался спиной об косяк! И умел очень заразительно смеяться, когда глядел мультики. Он падал на пол и хохотал, высоко задирая при этом ноги. Я больше смеялась, глядя на него, чем на экран телевизора. Особенно здорово отец хохотал, когда мы смотрели «Весёлые ребята». Помните то место, где поросенок улегся спать в тарелку, а потом в него воткнули вилку и он завизжал. Так вот в этом самом месте отец визжал громче поросёнка.

Как ни странно, я любила, когда отец приходил с работы «навеселе», ну конечно слегка. Он обязательно устраивал с нами «ломку» и катал нас с Наташкой на спине. Эта игра называлась «битый небитого везёт». Мы хохотали до слёз, бегали, кричали и обязательно играли в прятки. Мне кажется, не было такого дела, за которое отец не взялся бы. Он помогал мне решать самые трудные задачи по математике. А телевизор он ремонтировал с огромной отверткой в руках. Он разбирал телевизор полностью, потом собирал его заново.

во. При этом, у него оставалась куча запасных частей. Но самым удивительным было то, что телевизор после его ремонта начинал показывать.

Несмотря на 7 классов образования, отец был отличный «интуист» (это слово я придумала только что). Даже его тёща – наша вторая бабка (бабка Марья) любила его больше своей собственной дочери. Откуда я это знаю? Да со слов самой матери.

Они с отцом тогда были ещё совсем молодыми, и пошли на какую-то вечеринку в том же районе, где жила наша бабушка. Там они повздорили, и моя мать убежала с вечеринки «к маме». А мама (наша бабушка) сразу ей дверь не открыла, а спросила:

– Это ты, Лиза? А почему ты одна? А где Саша?

Мама ей ответила, что оставила его «догуливать».

Тогда бабушка посоветовала нашей маме вернуться за своим мужем и приходить вместе с ним.

Мама сначала не поверила ей и переспросила:

– Так ты непустишь меня? И я, твоя дочь, пойду ночью назад одна?

На что бабушка ответила:

– Да, ты все еще моя дочь. Но ты еще и мужняя жена. Вернись за своим мужем, и приходите вместе.

Какой мудрый урок. И главное сразу всё встаёт на свои места. Отец обычно такие ситуации называл свободой выбора:

– Выбрал кость – гложи, на чужую не зарься.

Глава 11 Все собаки моего детства

У меня всегда было много знакомых кошек и собак, с которыми я неплохо ладила. Всегда носила в кармане что-нибудь вкусненькое, так на всякий случай. Даже незнакомые собаки это чувствовали и вели себя со мною «запросто». Может быть это потому, что от меня пахло собакой? Но ведь кошкой тоже пахло.

Самой первой собакой на моей памяти была Кукла – маленькая чёрная собачка с белым галстуком вокруг шеи. Кукла была очень преданной и игривой. Часто воровала у меня варежки, стоило мне положить их на снег, когда я вытряхивала снег из валенок. Хватившись варежек, я бежала за ними к ней в конуру. Но, увы, иногда опаздывала и обнаруживала там только волнистые ниточки. У Куклы родились два щенка – Шустрик и Мямлик. Была ещё такая программа по телевидению, где участвовали две куклы – Шустрик и Мямлик. Вот в их честь мы и называли щенков. Мы с Наташей играли с этими щенками, когда они были ещё совсем крошечные. Мы пеленали щенков, клали их в кукольные кровати. Шустрика мы оставили себе, и он вырос в большую собаку. Мамью походил на мать, но был много крупнее.

Помню, как однажды, играя во дворе, я спряталась в его конуре. Шустрик мне очень обрадовался и тоже туда залез. Так что мне тогда пришлось кричать, чтобы меня освободи-

ли.

Потом была Белка. Маленькая рыжая собачка «царских кровей». Мать подобрала её на вокзале. Белка любила петь, танцевать, сидеть на окошке, спать на мягкой постели и есть сахар. У моего младшего брата был детский аккордеон. Я играла на этом аккордеоне собачий вальс, а Белка мне подпевала. Она была очень талантлива. А умерла в родах. Мы тогда очень горевали.

Последним был Стёпка.

Принесли нам как-то чёрного спаниеля. То ли потерялся он, то ли охотники бросили. На охоте всякое бывает. Иногда и ружья теряют, не то, что собак. Так он у нас и остался жить. Был очень добродушным и шустрым, как вьюн. На цепь мы его не сажали, он так бегал. Были у Стёпки длинные уши и странные лапы, как бы приплюснутые.

Однажды, зимой катались мы с горки. Степка всё около нас крутился. Вдруг внизу, у проруби, где бабы бельё полоскали, поднялся переполох. Мы санки побросали и туда. А там бабы кричат:

– Собака утопилась! Собака утопилась! В прорубь бросилась!

Но тут над водой появилась Степкина голова. А потом и он сам выпрыгнул на лёд. И тут же пулей к дому, пока вода на нем не замёрзла. Отец тогда говорил, что это он ондатру под водой учуял.

Больше всего на свете любил Степка в машине ездить и

чтобы непременно на первом сиденье. Стоит машине к дому подъехать, он уж в ней сидит. И когда успевал? И не интересовался даже, чья машина. Сядет и всё тут: «Вези, мол, меня, я готов!» Наверное, он на охоту всегда на разных машинах ездил. А охотник он был отменный и дичь не портил. Я в этом лично однажды убедилась.

Забрались как-то раз в наш огород соседский курицы – молодки. Бегают, грядки разрывают. Я попыталась их поймать, да не тут-то было. Они залезли в колючий малинник. Я и так пробовала их достать, и этак. Ну, отбилась дело. А Степка сидит в сторонке, хвостиком виляет, на меня глядит. Я из сил выбилась и говорю ему с обидой:

– Ну, что глядишь, помогай, ищи. После слова «ищи» Степка стрелой юркнул в малинник и через пару минут стоял передо мной с курицей в зубах. У меня всё похолодело внутри при мысли, что он свернул курице шею.

Я вынесла курицу на улицу и отпустила её на землю. Та, как ни в чём не бывало, отряхнулась и принялась рыться в песке. А сзади меня уже стоял Стёпка с очередной курицей в зубах.

Из-за моей дружбы с собаками однажды приключился со мной один казус. Шла я из магазина как-то вечером. Уже и темнеть начинало. Осень тогда была дождливая. Под ногами грязь. Иду я нога за ногу, о своём думаю. Слышу, сзади меня вроде кто-то догоняет, по грязи шлёп-шлёп. Ну, думаю, пусть спешит. Я в сторонку отошла, чтоб дорогу уступить.

Но вдруг тот, кто шёл сзади, как положит мне свои ручки прямо на плечи и дышит этак тяжело-тяжело. Ну, думаю, конец мне, сейчас душить начнет. Только вдруг этот самый грабитель как лизнет меня в щёку. Тут уж у меня весь столбняк сошёл. Я голову повернула, а это – мой старый знакомый – рыжий пёс. Я его хлебом угощала когда-то, вот он меня и припомнил. От избытка «чувств-с» целоваться полез.

Собака, она вся наружу. Уж, если рада тебе, так на руки запрыгнет. И предана – по гроб. Кошки, они не такие. Дольше обиду помнят и больше привязаны к дому, нежели к хозяину.

Жила у нас этакая парочка – Зина и Ксюша. Это я их так назвала. Одну – в честь моей любимой учительницы физики, другую – в честь соседки, она ещё в магазине тогда работала. Разговорчивые были кошки. Одна в комнате на стуле лежит, другая в кухне. И разговаривают между собой:

– Мыр – мяу, мыр – мяу...

– Мяу – мяу, мыр...

Однажды я гладила на кухне бельё. Под окном стояла поленица. На ней лежала Ксюша. Моё внимание привлекло её неадекватное поведение. Она выгнулась, перевернулась на спину, изящно потянула шею, помахала хвостиком, снова перевернулась. При этом движения её были столь грациозны и женственны, что я невольно подалась к окну, чтобы увидеть – перед кем это она так «выделяется». На земле под вишней сидели три «прибалдевших» кота – чёрный, ры-

жий и серый. Так вот в чём дело! А я-то думала, что варьете придумали люди!

Кроме лягушек, собак и кошек, любила я ещё и лошадей. Помню мои первые прогулки на лошади при луне, мои первые полёты с лошади. Об этом мне напоминает мой травмированный позвоночник. Разумеется, я падала не только с лошади. Я падала и с чердака, и на пол, когда Наташка из-под меня стул выдернула. Я тогда так хлопнулась, что целый вечер потом пролежала. И как только моя разлюбезная сестричка меня совсем в детстве не угробила?

Но вернусь к любви. Так вот, было в моей жизни то, что я не любила. Вернее сказать тот, кого я не любила. Это ещё мягко сказано – «не любила».

А речь идет о петухах. С ними у меня не заладилось с самого начала. И я их, честно сказать, боюсь до сих пор. И если где-то в радиусе пяти километров от меня живёт «клевачий» петух, то уж, поверьте моему горькому опыту, он непременно найдет повод и время со мною встретиться. Так вот у бабки Фелицаты жил такой «клевачий» петух, и я его панически боялась. А он об этом не только прекрасно знал, он этим упивался. О, даже сейчас, при одном упоминании об этом петухе, во мне закипает ярость благородная. Да и было от чего. Этот петух превратил мою жизнь в сущий кошмар. Он знал весь мой день до мелочей. Во сколько я возвращаюсь из школы, когда хожу гулять или в магазин. Он выслеживал меня, как нюховая собака, он появлялся в самые неожидан-

ные моменты в самых непредсказуемых местах. Он ежедневно встречал меня из школы, и мы устраивали гонки вокруг грузовой машины нашего соседа. Но это исчадие ада, промчавшись под машиной, выскакивало прямо перед моим носом. Почти каждый день я приходила домой в слезах. Стали поговаривать, что петух «может выклевать ребёнку глаза». Всё закончилось тем, что бабушка пригласила меня однажды на лапшу из петуха. Хотя это и было моей победой, я не торжествовала. Мне почему-то не хотелось есть своего врага.

После этого петуха в моей жизни было еще несколько встреч с этими бандитами. Помню, как мы стайкой девчонок бежали в кино. Сзади нас догнал петух и клюнул... Кого бы вы думали? Меня! Меня одну он выбрал из всех, хотя я и шла не последней. Он буквально выклевал меня из середины.

А совсем недавно на меня напал петух и его прогнал маленький мальчик лет семи. Мальчик очень удивился поведению петуха. Он сказал, что это старый петух и никогда раньше не клевался. Наверное, я сама виновата. Вижу во всех петухах потенциальных бандитов и провоцирую их этим самым к агрессии. А может быть у меня стиль «жертвы»?

Глава 12 Планета моих грез

Маленькая я очень часто летела во сне. Летала вертикально, горизонтально, плавала по воздуху. Я летала высоко в облаках, а иногда едва поднявшись над землей, над головами людей, над крышами домов. Я и сейчас частенько летаю во сне. Чувство полета восхитительно и ни с чем несравнимо. Я полетала однажды наяву, но это уже другая история.

Так вот, просыпаясь, я пыталась воспроизводить свои движения во время полета. Но у меня ничего не получалось. Я показывала отцу, как нужно отталкиваться от земли и махать руками. Но он только смеялся надо мной. Мне было очень жаль, что отец не понимает того, что творится в моей детской душе.

Посмотрите на бабочку, проследите все её превращения. Сначала – это личинка, потом – гусеница, куколка и, наконец, – вершина совершенства, идеал красоты, изящества – бабочка. Как она легко парит над цветами, как она прекрасна!

То же самое может произойти и с нами, если мы не останемся навсегда гусеницами, если не погрязнем в земном, и перестанем мечтать о небе.

То, что у меня есть душа и она бессмертна, я знала от рождения. Но вот, где она была до моего рождения? Я тогда не знала. Поэтому придумала свою теорию, а потом и сама в неё

поверила. Я всем рассказывала, что раньше, совсем давно, я была бабочкой, красивой бабочкой. А потом стала Золушкой. А теперь я – девочка Лена.

Однажды, во сне я залетела на удивительную поляну. На этой поляне была странная Трава, какая-то неземная. Очень сочная зелень, нежная и молодая. Она мне напомнила «гусиный лук». Трава была, словно живая, и качалась волнами. У меня возникло странное желание найти гребешок, чтобы причесать эту Траву. Траву я не приминала. Я парила над нею. И еще там был Свет. Он шел ниоткуда. Но был везде. И это было так прекрасно! Кроме Травы и Света, на этой поляне были ещё живые существа – это Ветер и Дождь. Ветер проводил по моему лицу пальцами Дождя и его теплые, и нежные прикосновения вызывали у меня чувство удивительного покоя и умиротворённости. Дождь гладил меня, Ветер убаюкивал, а Свет наполнял меня изнутри удивительным чувством любви. Такого я никогда не испытывала на земле. Это было незабываемо. Ощущение того, что тебя любят, любят так, как никто и никогда не любил, было прекрасно. Мне очень не хотелось просыпаться, не хотелось оставлять планету моих грёз. Сон был настолько ярким, что я помню его до сих пор.

У меня никогда не было настоящего близкого друга. Моими лучшими друзьями были книги и живая природа. В начале, моё чтение было бессистемным и более принудительным. Но потом я встретила и полюбила Достоевского, который по-

тряс меня своей глубиной и духовностью. Всегда рядом шёл по жизни Пушкин, выше всех и вся. Дома у нас была богатая библиотека. Из любимых книг детства в памяти остались «Старая крепость», «Кортик и бронзовая птица», «Волшебник Изумрудного города», «Дети капитана Гранта», «Десять тысяч лье под водой», «Человек – Амфибия», «Девчата». По правде сказать, я не была такой уж усидчивой и правильной девочкой. Мне надоедало однообразие, меня посещала её величество Скука. И тогда я с азартом охотника бралась за новое дело, но, увы, быстро к нему остывала. Я пробовала вышивать, готовить, шить, вязать, рисовать. Я лепила из пластилина и глины, сочиняла стихи, танцевала, придумывала страшные истории, составляла гербарии, играла с мальчишками в ножички, плавала, гоняла на велосипеде, выращивала цветы, ловила бабочек, собирала лекарственные травы, ходила в фотокружок, в конькобежную секцию и даже занималась кролиководством. И хотя отец и называл меня верхоглядкой, но это было прекрасное время, время поиска. Я искала себя, своё. Это было время проб и ошибок. Ошибок, за которые не пришлось расплачиваться сломанной судьбой. Я примеряла на себя свою будущую взрослую жизнь. Я пробовала себя на разные роли.

Как я благодарна своим родителям, за то, что они разрешали мне приносить в дом бездомных кошек, держать хомячков, мышей, кротов и землероек, не выбирали мне друзей и не навязывали мне свой образ мышления. Они мне давали

время на кристаллизацию характера. Они не ломали меня и не брали на себя смелость «ограничивать» меня.

Глава 13 Этим не шутят

На пятом десятке мать родила отцу сына, а нам – братика. Мальчика назвали Сергеем в честь покойного дяди. Разумеется, у нас с сестрой хлопот прибавилось. Но это были приятные хлопоты. Серёжа рос очень милым и послушным ребёнком. Одна беда – вставал рано, часов в шесть. У меня же всегда была слабость – понежиться лишней часик в постели.

Помню, кричит мать с кухни:

– Серёжа, иди, буди эту соню, пусть идёт завтракать.

Я слышу, как малыш шлёпает по полу, и крепче сжимаю глаза. Обычно он подходил ко мне и начинал меня тормошить, ковырять пальцем глаза. Но на этот раз Сережа сменил тактику, и я получила оглушительный удар по голове трубой от пылесоса, причем алюминиевой. Ну, конечно, алюминий – легкий металл, но мне хватило, мало не показалось.

Серёжа ходил в новые ясли – сад. Мой старый деревянный двухэтажный детский сад снесли. Сейчас на этом месте – сквер и памятник солдату-освободителю. В Серёжином садике было всё уже по-другому. И шкафчики и кровати. У нас же были деревянные раскладушки, крутая лестница. О, я отлично помню, как спустила однажды с этой лестницы толстую девчонку, которая постоянно щипала меня до синяков. Почему-то, до сих пор, при слове «детский сад» из моей памяти выплывает столовая ложка с рыбьим жиром. Фу...

Помню, меня оставили с маленьким Серёжей дома. По моему родители с Натальей ушли на свадьбу. Отец пару раз приходил нас проведать. И вот что я придумала. Я взяла Серёжины колготки, набила их всякой ерундой, потом надела на них ботинки-пинетки. Все это подсунула под шифоньер. А он у нас был старинный и очень низкий – всего сантиметров 15 от пола. Когда в очередной раз пришёл отец, я спрятала Сережу в спальню и приказала сидеть тихо-тихо. А сама открыла дверь и с трагичным лицом повела отца в комнату, говоря при этом:

– Я не знаю, как это произошло...

Увидев раздавленного шифоньером ребёнка, отец тут же протрезвел. В этот момент из комнаты с хохотом выбежал Серёнька, а отец сел на порог и очень долго молчал. А потом просто сказал мне:

– Этим не шутят.

И я больше «этим» не шутила. Шутила другим.

Выдали нам в школе, однажды, противогазы, чтобы мы их дома «подогнали под себя» и на уроке начальной военной подготовки показали хорошее время. Иду я в тот день домой. Вижу – мать впереди. Я побежала «короткой дорогой», залезла в дом через кухонное окно, надела противогаз и спряталась за занавеской в прихожей.

Ничего не подозревающая мать, открыла своим ключом дверь и вошла в кухню. И тут я перед самым её носом выставила свою противогазную голову. Я хотела ещё и закри-

чать, но этого уже не потребовалось. Мать начала медленно оседать на порог. Я не помню, что мне тогда было. Но с тех пор, прежде чем пошутить, я думаю об «экологии». И я ещё после всего этого смею осуждать «шутки» моей сестры...

С рождением сына отец помолодел. Он возился с малышом, укладывал его спать, отводил его в садик, забирал дамой. Помню, как он в шутку называл Серёжу – Хаммаршельд. Я его тогда спросила:

– А кто это такой – Хаммаршельд?

Отец объяснил мне, что это председатель ООН.

Отец никогда не кричал на нас. И, как всегда, брал на себя почти всю домашнюю работу.

Мать больше роптала:

– Отдохнешь, когда издохнешь.

Но отец, мне кажется, её очень любил и поэтому всё ей прощал. Да и нас тоже прощал. «Любовь, да всё покроет».

Пошла я однажды в магазин за молоком для Серёжи. А по пути назад поскользнулась на льду, упала и всё молоко разлила. Пришла домой в слезах. А сказать, что упала – стыдно. Вот и соврала, что на меня собака бросилась. Отец говорит:

– Иди опять.

А я – в слёзы. Так отец и ходил сам. А мне потом так стыдно было. До сих пор я это молоко помню.

Сергей рос слабеньким. У него очень часто открывались кровотечения из носа. Я всегда очень пугалась при этом.

Однажды, отец с Серёнькой мыли пол на кухне. А малышу не больше трех лет было. Ну, он тоже тряпкой возит, старается. Пятился, пятился и сел в ведро с водой. Отец его из ведра вытащил и ну хохотать. На пол повалился, ноги задирает. А малыш с таким жалким видом стоит, вода с него стекает, глаза напуганные. Глядел, глядел на отца, да как «рявкнет» на весь дом. Тут уж и я прибежала, успокоила малыша, увела переодевать.

Глава 14 Рождение мёртвой девочки

Перед Сергеем была у матери девочка. Только родилась она мёртвой. Мать тогда велосипедист сбил, вот девочка и не выжила. Её Ниной назвали. Отец её домой прямо в простынке принёс. Говорил, что ехал в автобусе и всё боялся, чтобы ножка или ручка не выставились. А потом положил её в ящик комода, «чтобы кошки не нашли». И ушёл гробик делать. Это он мне тогда всё растолковал, что бы я в жизни ничего не боялась и больше знала об «обратной стороне медали». Я классе во втором тогда училась. Отец мне всё объяснял, если я что-то спрашивала. У него и привычки такой не было отвечать: «Вот подрастёшь, сама всё узнаешь». Отец мне рассказал, что бывали случаи, когда кошки над младенцами «безобразничали», да и поросята тоже. Ведь от младенцев всегда молочком пахнет. Отец рассказал, что и его однажды чуть свиньи не съели, когда он к ним в загон свалился. Это он тогда ещё глупый был и первый раз спиртное попробовал. Крепким для него этот урок оказался.

А я этих поросят боюсь, да и свиней тоже, пусть и меньше, чем петухов, но всё-таки.

Родители раньше всегда поросят держали. Маленькие поросята какое-то время жили в доме и их выпускали побегать. Поросяенок начинал носиться по комнатам, кататься на полувиках, кусал меня за пятки. Я визжала и запрыгивала на

кровать.

А, однажды, отец посадил меня покататься на большую свинью во дворе. А она, как начнёт носиться.

У моего «папочки родимого» тоже были шуточки, надо вам сказать...

В выходные мы всей семьёй лепили пельмени, делали манты, голубцы. Часто устраивали праздники. Мать любила удивить гостей заливным из судака или ещё чем-нибудь этаким из её кулинарной книги. В нашем доме было две ценных книги – «Лекарственные растения» и «Книга по домоводству и кулинарии». Мы с Натальей обычно выпекали биезе или жарили в масле хворост.

На Новый год отец непременно приносил ёлку – большую, под самый потолок. Ёлку наряжали всей семьёй. Это был целый ритуал. Было несколько старинных шаров, с фосфоресцирующими цветами. В темноте они начинали светиться. Под ёлку ставили Деда Мороза и Снегурочку. А на ёлку вешали конфеты. Мать приглашала фотографа, чтобы всех снять возле ёлки. Как сейчас вижу – Серёжа в матросском костюмчике и валенках стоит возле ёлки. Рядом – большая лошадь на колесиках (больше его).

С маленьким Серёжей мы много читали. Тогда я и выучила наизусть почти всего Чуковского. У Серёжи была замечательная память. В пять лет он знал море стихов. Мы его записали на нашем первом магнитофоне – «Днипро». Получилась целая кассета. Но ему от нас и доставалось. Однажды, я

уронила маленького Серёжу со стола. А, один раз, мы с сестрой в наказание заперли его в сарае. И хотя там было темно и страшно, он не плакал.

Серёжа как-то быстро вырос. Вернее сказать быстро повзрослел. Мне кажется, у него не было такого беззаботного детства, как у нас с сестрой. Сначала сестра, а потом и я, окончили школу, уехали учиться в Иваново. Потом мы поехали замуж. А Сергей остался жить в доме, где уже не устраивались дружеские праздничные застолья, где поселилось тревожное ожидание развязки.

Я ещё ходила в десятый класс, когда Сергей пошёл в первый. В школе мне приходилось опекать его, и я часто заходила к нему в класс. Однажды, учительница сама пригласила меня и попросила посидеть на уроках:

– Ваш брат поёт песни в классе. Сначала он поёт тихо, потом всё громче и громче. А потом уже весь класс подхватывает и уже поют все хором. Он срывает мне занятия.

Пришлось мне и родителям других детей сидеть на уроках.

Глава 15 Как я болела свинкой

Почему-то мои самые яркие воспоминания относятся к тем моментам моего детства, когда я болела. Возможно, болезнь полезна для души человека. Я имею в виду то, что «Господь посещает нас скорбями и болезнями». И что в определенный момент наступает ремиссия (смена нашей миссии). Один такой день из моего детства запомнился мне почти полностью.

Зима... Солнце играет на снегу, слепит глаза. Родители везут меня на санках по утоптанной тропинке. Мы едем к бабушке на Затенки. Санки переворачиваются, и я падаю на снег. Лежу и жду, когда меня поднимут. Но родители делают вид, что увлечены беседой и скрываются за поворотом. Я какое-то время лежу и жду, но за мной никто не возвращается. Почему-то нет сил подняться и обидно. Но ждать больше нечего, я встаю и тащусь по скользкой тропинке.

От бабушки мы заходим к маминой сестре – Люсе. Потом идём «на фабрику». Там накрывают стол, и мы долго сидим. Говорят все сразу. Очень шумно и жарко. Я начинаю «скулить», звать родителей домой. Но они меня, кажется, не слышат. Я нахожу своё пальто и выхожу во двор. Уже темно. Я прижимаюсь щекой к снегу, чтобы унять жар. В моей голове ещё звучат голоса:

– Они его потом и в петлю засунули! Если б тогда милиция

только с него одежду сняла! Он весь в синяках был! Вот что творят!

А потом мне сделалось хорошо-хорошо. Снег таял на щеке и стекал вниз, приятно холодя шею. Молоточки в голове стучали всё тише и тише. Голоса умолкали... И я стала куда-то уплывать.

Весь следующий день я пролежала в кровати. Доску, которой меня загоразивали, чтобы я не упала, перевернули. И я катала по ней пупсиковую колясочку, которую мне купила в честь болезни мать. По полу бегал поросёнок. Я побаивалась, как бы он не запрыгнул в кровать. Мне сказали, что у меня свинка. Может быть, этот противный поросёнок и заразил меня своей свинкой. Я лежала и глядела на потолок. Доски на потолке были окрашены в голубой цвет. На них в некоторых местах виднелись следы от сучков и неровности. В одном месте я увидела целую картину. Прекрасная принцесса бежала от каких-то чудовищ, которые её преследовали. Волосы у принцессы были стянуты в тугий узел, сзади был шлейф, а изящная рука сжимала розу, словно стараясь защитить её от поругания. У её преследователей горели глаза. Они о чет-то договаривались между собой. Я и сейчас вижу эту картину перед собой. Наверное, я тогда очень долго болела.

Да, если уж говорить честно, мне нравилось болеть. Тебя все как-то сразу начинают жалеть, любить (да просто замечать). Даже мать вспоминает о тебе, купит что-нибудь. Отец

сидит около кровати. Сестра показывает диафильмы. Свой первый диафильм я выучила наизусть, когда ещё не умела читать:

... Что не делает дурак, все он делает не так.

Начинает не сначала, а кончает, как попало.

С потолка он строит дом. Воду носит решетом.

Дверь берет с собою в лес, чтобы вор к нему не влез...

Чьи это стихи? Не знаю. Больше я их нигде не встречала.

А жаль. Поучительные стихи.

Когда я болела, то часто «лунатничала». Я не знаю, как это происходило. Но меня несколько раз ловили по ночам. Я шла, вытянув вперёд руки, широко раскрыв пустые расфокусированные глаза. Наверное, я в это время была в другом месте. Я часто болела ещё и оттого, что у меня было слабое горло. Стоило мне промочить ноги или посидеть лишней часик-другой в снегу, как я начинала кашлять. Но это было так здорово – рыть в снегу норы и пещеры, и строить настоящие снежные города, и прыгать с крыши нашего сарая в сугроб.

Однажды, Олька пришла к нам в новой кроличьей шубке. Мы в это время как раз прыгали с крыши в снег. Олька сказала, что мать ей запретила валяться в снегу. Потом она подумала и добавила, что если она прыгнет с нами всего один только разок и отряхнется, то её мать ничего и не узнает. Но она немного не рассчитала. Мы-то прыгали с разбегу. А Олька прыгнула прямо, где стояла. И повисла на заборе. Она висела и кричала. Мы испугались, что она задохнется, и нача-

ли её стаскивать. Ну, в общем, шубка была испорчена настолько, что Ольку к нам гулять до самого лета больше не отпускали. Да, как говорит сейчас мой взрослый сын: «Одежда должна быть удобной и прочной». (Представьте, что он на вручение диплома явился в шортах.)

Моя детская одежда отвечала этим требованиям. Штаны с начесом я выправляла на валенки. Так и снимала их кучей. Всё было обмерзшим. Приходилось мою гуляльную одежду выколачивать на крыльце, отщипывать от начёса комочки снега и льда. А потом, всё это развешивать по отопительным батареям. Только однажды я попала впросак. Положила на горячую батарею мокрую кроличью шапку с ушами. За ночь она так усохла и состарилась, что я её больше не смогла её одеть.

Зимой было здорово падать в снег – чисто и не больно. Летом совсем не то. Бежишь, бывало, этак скорости на четвёртой, и вдруг чувствуешь, что отрываешься от земли... Доли секунд полета, а сколько всего передумаешь за это время. И... приземление... Очень даже плотный контакт с землёй. У меня до сих пор колени чёрные от этих контактов. Это шлак врос, под кожу ушёл. У нас дорогу раньше всегда шлаком посыпали.

Да, зимой падать лучше, чем летом или весной. Весной – совсем плохо.

Купила мне мать как-то пальто драповое. Красивое такое – красное в чёрную крапинку.

Снег сошёл. Солнце припекало. Я вышла погулять в своём новом пальто. Хотела привыкнуть к нему, освоиться. Ну, вы знаете, бывает так с новой одеждой. Сначала неудобно себя в ней чувствуешь, пока не привыкнешь. Вот поэтому я и решила обновить пальто и уж назавтра в нём смело идти в школу. Отец распиливал отходы, привезенные с пилорамы для растопки котла, и уносил их на двор. Я сначала степенно ходила возле него в своём новом пальто. А потом осмелела и начала бегать. Отец очень спокойным тоном несколько раз предупредил меня:

– Смотри, Ленк, упадёшь.

Но я продолжала бегать:

– Не упаду, не упаду, не упа...

И, не договорив «...ду», растянулась в середине ручья, в самой грязи.

Когда я встала, то вид мой был жалок. Новое пальто было обновлено на все 100 %. С него стекала грязь вперемешку с опилками. Отец таким же спокойным голосом констатировал:

– Я же тебе говорил, что упадёшь.

Глава 16 Кому не пропасть

Я подозревала, что наш дом населён призраками. Но мне никто не хотел верить. А я часто слышала шаги, скрип половиц, чьё-то тяжёлое дыхание. И на чердаке иногда творилось такое! «Их» видел только наш дядька – мамин брат. Вообще-то его звали дядя Витя, но мама называла его «Кому не пропасть». Она так и говорила:

– Вот «Кому не пропасть» идёт.

Мы с Натальей любили «Кому не пропасть», потому что он всегда приносил что-нибудь вкусненькое. Он работал маляром-штукатуром и иногда задерживался на работе – на шабашках. А нашабашившись как следует, уже не мог добраться до дома. Он приходил к нам ночевать. Спал на кухне, на фуфайке. Никогда не ложился на диван. И я думаю это потому, что «они» диван под ним качали, и «Кому не пропасть» падал с дивана. Я это знаю наверняка. Однажды, он бегал по дому и ловил «их» всю ночь то в шкафу, то под кроватью. А потом кричал нашей матери:

– Лиза, Лиза, они уже пол поднимают! Иди скорей сюда!

Бедный «Кому не пропасть», он так и умер от вина, заснул в ванной и сварился. Мне жаль его, он был не плохой человек. Мать даже женить его хотела. Пригласила к нам невесту. Устроили танцы, а она (невеста), как корова, плюхнулась на диван и все пластинки у нас передала. Очень жаль было,

особенно танец маленьких лебедей. У нас ещё тогда старый проигрыватель был переносной. «Кому не пропасть» тогда так и не женился. Он все шабашил и шабашил, и «этих» гонял, которые пол поднимают, не до женитьбы ему всё было.

У нашей матери было ещё два брата и сестра Люся. У Люси была дочь. В пять лет она съела её сердечные таблетки и умерла. Звали её Таня. Смерть детей всегда непростительна для взрослых. Однажды, я тоже чуть было не последовала за нею. Мне, в очередной раз, «подсудобила» любимая сестричка. Она купила витамины и отдала мне целую банку. Я спросила:

– А по сколько штук их можно есть?

Она ответила:

– А хоть все сразу!

Я и съела все сразу. Потом мне желудок промывали, но два дня продолжалась рвота.

Если я выжила, наперекор всему, что бы ты со мной не происходило, – это заслуга одного Господа Бога! И ещё бабки Марьи, которая водила меня в храм и причащала. (Много же хлопот я доставляла своему Ангелу-Хранителю.)

Но, вернемся к призракам, которые населяли наш дом. После смерти бабки Фелицаты и деда Миши в их половине стал жить с семьёй брат отца – Ананий. У него родились два сына – Миша и Женя. С их появлением, у меня стало насчитываться 14 двоюродных братьев и сестёр (включая троих по линии матери). Потом к ним приехала жить тёща. Я слышала

через стенку, что с зятем у неё были натянутые отношения. Так вот, наша мать поговаривала, что эта тёща приколдовывает, и не велела маленькому Серёже ходить на ту половину. Я и сама видела однажды, как бабка ходит по нашему огороду, что-то шепчет и разбрасывает странные белые корешки. Так вот, Серёжа не послушался совета. И, однажды ночью, мы проснулись от нечеловеческого вопля. Кричал Серёжа. Я включила свет, бросилась к нему. Но он отскочил от меня, как ошпаренный. Отец еле удерживал Серёжу в постели. А он показывал на меня и всё кричал:

– Чёрт! Чёрт!

Успокоился он лишь после того, как его обрызгали святой водой перед иконой Николая Угодника. Это был самый почитаемый святой в семье отца. На следующий день Сергей, разумеется, ничего не помнил. И я быстро забыла об этом происшествии. Возможно, что эту бабку и оговорили зазря, но даже собственные внуки её не очень любили. Забежала я к ним за какой-то мелочью, вроде спичек. Смотрю, у открытой западни лежат Мишка с Женькой, свесив головы вниз. В руках у каждого по валенку. Бабка из подвала кричит:

– Внуки, ангелочки, выпустите меня!

А они её валенками по голове – бум, бум...

Я мальчишек отругала. Бабку из подвала вытащила. Уж долго ли они её там держали – не знаю. Сорванцы они были. Ну и драл же их за это отец.

Мистика была неотъемлемой частью нашего детства. Те-

перь-то я понимаю, что мы играли с огнём. Но тогда мы и гадали, и духов вызывали, и опыты химические ставили. Хорошо ещё, что дом не сожгли. Но интересней всего были «пугалки» и «страшилки». Мы выбирали для этого самых вредных старух и ставили им «стуканчика» на окно. Страшилки обычно рассказывали по вечерам, когда родителей не было дома. Меня из-за этого даже мальчишки ловили и заставляли рассказывать им страшные истории. Но «соловей в клетке не поёт». И я молчала, как Зоя Космодемьянская.

Когда отец пристроил к дому террасу, то сколотил там стеллажи для книг и журналов. Туда же вынесли старый диван и стол. Получилась замечательная летняя комната. Я здесь часто уединялась по вечерам и читала, читала... В этой же комнате обычно сушились травы.

Раз в год весной отец ездил на свою родину в Сокольское собирать на болотах цветущий багульник. Отец был астматиком. Он привозил этого багульника огромный мешок и раскладывал его на полу в террасе для просушки. Так уж тогда совпало, что я приехала в это же время из похода. Мы ездили с одноклассниками на реку Решемку приток Волги). Жили два дня на полуострове в палатках, кормили комаров и почти не спали. Так вот, измученная и засыпающая на ходу, я плюхнулась на диван и отплыла в мир грёз. Первым спохватился отец, что я сплю вторые сутки. Будили меня уже с нашатырём. Голова у меня потом долго болела.

Да, про багульник в народе много недоброго ходит. Слы-

шала я историю о том, как один охотник с болота свою «очумевшую» собаку на руках выносил. А ещё, что на багульнике настаивали в лихих местах самогон и опаивали им заезжих купцов.

К травам в нашем доме было отношение особенное. Таблеток не держали. Лечились только травами. Но у меня к ним уже и некая антипатия, возможно от пресыщения. Так бывает, если в детстве чего-нибудь переешь.

Да, я понимаю, что зверобой помогает от 99-ти болезней. Мята с малиной – от простуды; копытень – от пьянства; луковица, вымоченная в уксусе, – от сухих мозолей; мать-мачеха – от кашля; пустырник – от излишней возбудимости. Но когда на больной зуб нужно класть засохший, как кость, корень калгана и жевать (как написано в книге), – это уже выше моего понимания. Но, как бы я сейчас не ворчала, а таблеток у нас в доме не было. Как говорил мой отец: «Меньше знаешь, крепче спишь».

Глава 17 Родословная матери

Мои отношения с матерью развивались динамично. У неё с отцом были полярные взгляды на жизнь. Методы воспитания матери были более авторитарны. Но я просто принимала её такой, какой она была.

Я иногда ощущала себя в своей семье чужой девочкой. А мать не выдерживала моего не детского взгляда:

– Не тебе меня жизни учить! Доживи сперва до моих лет.

Вообще-то она была вроде бы добрая и не жадная. Но, как-то показушно. Она умела устроить из всего шоу. Мне даже бывало иногда стыдно за неё. Но она была очень смелая и умная женщина. Никогда не боялась, а что скажут другие. Она, не задумываясь, бросалась разнимать дерущихся, если видела, что один слабее. Могла снять с цепи любую собаку. Однажды хозяева такой собаки пришли к нам домой с просьбой, чтобы мать посадила их пса назад. В сильный мороз она спасла замерзающего и притащила его к нам в дом. В доме всегда было много народу. Всех кормили, поили и даже оставляли на ночь. Мне не стоило труда приводить домой всех своих друзей. Я могла запросто привести в гости целый класс.

Но если я делала попытку к сближению, мать тут же отталкивала меня, и одной фразой надолго отучала меня от «телячьих нежностей». А мне так не хватало материнской ласки

или просто доброго слова.

Обычно, моя мать не терпела возражений и, если уж она что-то делала, то это было самым верным в данной ситуации. Она часто рассказывала о том, что в молодости лучше всех танцевала цыганочку, брала за неё все призы, что написала выпускное сочинение в 11-м классе в стихах. Её тогда долго выпытывали, где она его «содрала». Ещё мать рассказывала, что в войну её семья не смогла запасти достаточно сена для коровы. А детей младше её было в семье четверо. И тогда она, ещё девчонка, пошла к солдатам и выменяла у них сено на козу. Она говорила, что её мать (бабка Марья) тогда плакала и «кланялась ей в ножки». Но гордыня вела мою мать к пропасти.

Родилась моя мать в д. Вахраково Заволжского района, недалеко от дачи Островского в усадьбе её деда Ивана Григорьевича Ягодкина. Мне говорили, что это где-то не доезжая Берёзовской горы. Сама я там не была.

Дед был огненно рыжий. Деда сослали в Сибирь после раскулачивания. Оттуда он бежал и долго скрывался (жил за печкой). Лиза (наша мать) была его любимой внучкой. Он помогал ей с учебой. Поэтому она, единственная в своей семье, получила хорошее образование.

Я помню, как отец говорил Натальиному мужу – Борису: – Смотри, если пойдут у вас дети рыжие, Наташку не ревнуй. У нас дед был рыжий. А на вас как раз четвёртое колено приходится.

Я смотрю на фотографию нашей семьи. Год 1963-й. Первоймай... Мать с отцом – молодые. Одеты почти аристократично. Мать в изящных туфлях, в пальто и шляпке с вуалью. Отец в костюме, в шляпе, с галстуком. О, как он всегда воевал против этих галстуков, называл их «собачья радость». Мы с сестрой тоже в шляпах, пальто и ботинках.

Да, у матери всегда были такие изящные вещицы. Была у неё шапочка, сшитая из кошки, или кошек. Масть этой шапочки была точь-в-точь, как у наших кошек – Зины и Ксюши. Так вот, мать иногда вместо своей шапочки на ходу хватала со стула кошку. Но тут эта «шапочка» начинала орать и мать спохватывалась, что ошиблась. А ещё был у неё парик пепельный и кудрявый.

Были у матери – прялка и вязальная машина. Прялку ей отец выточил по чертежам на заводе. Была старая ножная швейная машина «Зингер». Мать меня никогда не учила пряхсть. Я просто запомнила, как она это делала (подглядела), когда была ещё совсем маленькой. Как жаль, что я не «подсмотрела», как мать строчит на машинке и вышивает. Она рассказывала, что очень много строчила, когда была нужна и продавала занавески за бесценок на базаре спекулянткам. Я думаю, что это было послевоенное время. Жаль, что недостаток в нашем доме не дал моей матери подольше позаниматься рукоделием. А ведь когда-то в доме нашей бабушки ей даже приходилось вешать бумажные (бутафорские) занавески.

Раньше мать на нас с сестрой и шила, и вязала. Почему-то

все мои самые светлые детские воспоминания остановились на возрасте 3–5 лет.

Мать очень любила цветы. У нас был большой палисадник с георгинами перед домом. А в огороде – грядка гладиолусов. Позднее в саду появились тюльпаны, нарциссы, пионы. За навозом ездили на луг к лесу, где паслись коровы. Отец сделал специальную телегу на металлических колёсах, где крепилась 200-л литровая железная бочка. Мать с отцом впрягались в эту бочку, а меня ставили сверху, и я держалась за края бочки. Дорога была неровной и бочка подпрыгивала. Я пела или просто кричала (голос на ходу необычно вибрировал, как будто тебя стучают по спине). И хотя отец часто в шутку замечал: «Не ори, не дома. И дома не ори», но, тогда мне разрешали поорать в своё удовольствие. Было такое мнение: «Пусть ребёнок лёгкие развивает».

Когда бочка наполнялась, то на её поверхности можно было поймать красивого зелёного навозного жука.

А ещё наши родители ездили в Москву за покупками. Однажды, мать привезла нам с Натальей по платью. Сверху платья были капроновыми, а внизу у них была подкладка. У меня – голубая, а у сестры – розовая. В этих платьях мы ездили только в гости.

Мать очень любила книги. Постоянно выписывала роман-газету. И весь чердак у нас был завален журналами. Это были – «Вокруг света», «Работница», «Крестьянка», «Мурзилка» и, конечно, «Крокодил». Из-за этого «Крокодила»

мы с Наташкой однажды так повздорили...

Взяла я в почтовом ящике журнал. Принесла домой. А Наташка выхватила у меня журнал и залезла с ним на шифоньер. Я схватила ковш с водой, но больше на себя вылила, чем на неё. Тогда я решила припугнуть сестру ножичком. Принесла «тесак», которым отец свиней резал. Тут Наташка как сиганула на улицу, но журнал мне тогда так и не отдала. А отец мне в тот день рассказал историю о том, как он за сестрами с топором бегал и попросил меня больше «так не горячиться».

Ну, мне, конечно, стыдно тогда было за свою выходку. Но в угол меня никогда не ставили. И бить ни разу не били. Наташке, помню, один раз попало от отца, когда она в первом классе ушла цветочки собирать, а её до потёмок все искали.

Поскольку с матерью задушевных бесед у нас как-то не получалось, то сведения о её родословной я получала от «молчаливого» отца. Да, это парадокс, но так. Отец почти всегда молчал, а мать кричала, говорила, говорила..., очень много говорила. Но вот о чём, убей – не помню. Может быть о том, что нужно уметь жить, что соседка стирает по воскресеньям бельё, что «не подмажешь – не поедешь». Может быть... Я не помню.

Возможно, включался некий защитный экран. А вот своего неразговорчивого отца я могу цитировать почти дословно. От него же я узнала, что отец матери (наш дед) – Ягодкин Александр Иванович пропал без вести в конце войны. Отец

говорил, что, однажды весной, после сражения, он стоял на берегу Дуная. По реке, вперемешку с немецкими, несло трупы русских солдат. Он рассказывал, что у него тогда странно защемило сердце, будто он потерял здесь кого-то родного.

В книге памяти погибших воинов в ВОВ 1941–1945 г. г. я нашла запись:

Ягодкин Александр Иванович 1895 г. р., призван из г. Кинешма 30.06.1941 г., рядовой 189 гв. с. п. Погиб 20.08.1944 г. Похоронен Каушанский район, Молдавия.

Как я сожалею о том, что не записала в свое время рассказы отца о войне, о его детстве. Ведь для меня сегодняшней так важны эти милые детали.

Пусть наша жизнь и полна событий, но от этого не становятся менее важными незаметные мелочи, которые, как маленькие маячки, указывают на скрытый фарватер в бурном потоке житейского моря. И наша задача угадать, распознать эти маячки, чтобы не ошибиться в выборе пути. Ведь не всегда рядом может оказаться добрый, мудрый друг и наставник, который всё объяснит. Нужно анализировать ход событий. Слушать себя изнутри и идти туда, куда зовет сердце, подчиняясь требованиям совести. ***Совесть и разум – наши главные советчики.*** Но, увы, они могут обидеться и покинуть нас, если мы не слушаем их советы. А для того, чтобы слышать голос совести и разума, нужна тишина внутренняя. Люди говорливые и многозаботливые не любят брать на себя ответственность, и чаще всего ищут себе буксир, чтобы

прицепиться за него и беззаботно висеть у него на хвосте. Мне часто приходилось видеть «буксиры», которые тянут за собой по целой связке этаких «корабликов». Про них говорят: «Несёт крест».

Но, вернемся к маячкам. Нужно быть постоянно собранными и внимательными и стараться не терять их из виду. Иначе можно заплыть на опасные отмели. Как только вы увидите, что море впереди вас кипит, обходите это место – это подводные рифы, они в щепы разобьют ваше судно. И всегда используйте попутный ветер. Вот уж тогда ставьте все паруса. Попутный ветер дует недолго – один-два дня. Но за это время вы можете проделать путь, что делали обычно за два-три месяца. В это-то время и происходят странные превращения. Рифы уходят глубоко под воду, мелководья исчезают и у всех островов, к которым вы будете приставать в это время, будут удобные и тихие гавани. А экипаж вашего корабля будет жизнерадостен и работоспособен.

Как жаль, что попутный ветер так непродолжительно дует. И какой бы удачной не была наша жизнь, но всех нас она периодически поколачивает. Казалось бы за что? Жил себе человек, никого не убивал, не крал и вдруг, «бац» ему эта самая жизнь запрещённый приёмчик ниже пояса. А потому, что всё-то тут в нашей системе заложено. Я на себе это проверяла. Вот, например, думаешь:

– А ну-ка, сделаю-ка я эту маленькую хитрость, никто и не узнает.

Это только так подумаешь. А назавтра у тебя раз и температура под 40. И всё. Хитрость сорвалась. Вроде бы – расстройство. Ан, нет. Это сработал предохранительный клапан. Словно кто-то отводит нас от края пропасти и поучает, как дитё малое, неразумное.

Так что, не стоит нам горевать да сетовать, а надо Бога благодарить, что защищает нас, да от большей беды отводит. Всё хочет до нашего сердца достучаться.

Глава 18 Земля моих предков

Когда я подросла, мои географические познания расширились. Кроме Кинешмы я узнала Иваново, Сокольское, Юрьево. Но Волга, красавица – Волга, оставила в моей детской памяти самый яркий след.

Волгу многие называют матушкой, кормилицей. А уж я-то знаю, какой крутой нрав у нашей «матушки». Не прощает она ни бесшабашности, ни жестокосердия. Не любит она людей пришлых, заносчивых, жадных до легкой наживы. Потому – то издавна и селились вдоль Волги люди особой породы – волгари. Открытые, легкие в общении, хлебосольные. И говор у них был особенный – волжский, протяжный, окающий. Слово и не говорили, а песню пели. И жизнь в те времена была другая – степенная, неторопливая, размеренная. Телевизоров тогда не было. А по вечерам соседи собирались на беседу. Возле самовара узнавали все последние новости, делились сокровенным, решали житейские вопросы.

Это сейчас дома в деревнях запирать стали, раньше такого сроду не водилось. Подойдешь к дому – в замочных ушках палка торчит. Сразу ясно, что хозяев дома нет.

Уже, будучи взрослыми, мы с сестрой несколько раз ездили в Сокольское, на родину нашего отца, словно подчиняясь зову предков (это сейчас Сокольское – Нижегородская область, а в пору моего детства оно принадлежало к нашей

– Ивановской).

Левобережье Волги отличается от нашего привычного представления о Волге правобережной. Кажется, что это совершенно другая река, с другим характером.

А какие там песчаные отмели! Идешь, идешь, далеко-далеко, а все мелко и дно видать. И вода чистая – чистая. Почва песчаная и грязи почти не бывает.

Именно в Сокольском я ощущала себя дома, действительно на земле своих предков. Жаль, что в своё время я не приставала к деду с бабушкой с расспросами об их быте, о жизни деревни тех лет. Может быть, была мала и глупа. А, может быть, время было такое и «память стирали». И всё-таки непростительно быть Иванами, родства не помнящими.

Отец рассказывал, что у них было своё староверческое кладбище. В церковь не ходили, дома была своя молельня (домовая церковь), куда для молитвы сходилась несколько семей. Детей воспитывали в строгости и послушании. Если в деревню приходил странник, то посылали его ночевать в дом к староверам. Самым почитаемым святым был Николай – Угодничек. Странно, но я его всегда считала нашим русским святым.

На бабушкиной половине всегда горели лампадки. Были и старинные книги с красивыми и непонятными заглавными буквами. Было в этих буквах что-то таинственное и завораживающее. Отец рассказывал, что когда его мать стояла на молитве, то ничего вокруг уже не видела и не слышала. Да,

нет ничего на свете сильнее материнской молитвы:

*Знала мать, кого молить за сына,
И пошла тернистою тропой.
И обиды горькие сносила,
И носила свитки за собой.
И почти не плакала, молчала.
И терпела скорби и нужду.
И на небо боль её кричала.
Но она не сеяла вражду.
Знала мать, о чём спросить у сына.
И нашла заветные слова.
Зазвенели пламенные струны.
И Душа запела, зацвела.
И Душа наполнилась любовью.
И от сердца ниточка легла.
Стала эта нить дорогой к дому.
И от края сына увела.*

Нашим проводником по Сокольским местам была наша двоюродная сестра – Лида. Она старше нас с Натальей. Лида водила нас за черникой и земляникой. Она-то и познакомила нас с Галашиной Серафимой Ивановной из деревни Солицы Сокольского района. И хотя много лет прошло с тех пор, но её рассказы, пересыпанные острыми словечками (на местном диалекте), остались в моей памяти до сих пор. Я по памяти записала её рассказы. Постепенно, они обрастали новыми подробностями. Я их дополняла воспоминаниями из

собственного детства. Так, незаметно, Серафима Ивановна превратилась у меня в тётку Дарью. А её рассказы в «Волжские побывальщины». И я уже и сама не знаю точно, с нею случились все эти истории или с кем-то другим. Но это уже другая книга.

Водила нас Серафима Ивановна на чернижник через топь, тайной тропой, по одной ею видимым и понятным отметинам и знакам.

Нам же поступали чёткие команды: «Идти шаг в шаг», «в сторону не уклоняться», «держат дистанцию». Тогда же я впервые испытала тот животный страх перед топью, когда зелёная поляна под ногами у тебя «ходит ходуном».

Но черника оказалась слишком мелкой и её уже повыбрали. Поэтому мы решили вернуться домой – перекусить и идти за земляникой.

Глава 19 Медвежьи следы

Солнце стояло высоко. Было жарко и тихо. В траве стрекотали кузнечики. Изредка пролетала пчела, но осмотрев несколько поникших от жары цветов, уносилась прочь. И только комары никак не могли уgomониться и всё лезли в глаза, в уши и при этом противно пищали.

– Ах, эти вредные комары!

Я хлопнула себя по щеке и неприятно поёжилась.

– И что я вам сделала? Гудят, гудят... Даже в нос лезут. Тьфу, противные!

А всё-таки хорошо здесь, тихо. Не зря говорят – медвежий угол.

Ну, вот, опять ягоду раздавила. В рот её...

– У-у... Вкус – специфический.

Опять начинается. И что это со мной? Ну ничего своего, даже мысли чужие. Привыкли мы к стереотипному мышлению – дети города. Пыль, асфальт, бетон... Без выхлопных газов и жить уже не можем – задыхаемся. Глупые... И чего мы всё лезем в эти квартиры, в эти муравейники с их идеальной акустикой. Пришёл с работы и – к телевизору, в мягкое кресло. И всё, предел мечтаний. Я всё раньше думала, почему это люди с годами так полнеют? А они «дубеют», корни пускают (сидят на одном месте). И с каждым годом обрастают кольцами, как деревья.

И что станет с нами лет этак через триста? Превратимся в маленьких уродиков. Вот такусенькие глазки, вот такусенькие ручки и – во такусящий живот. Фу, какое безобразие!

Но я, кажется, перегрелась. Всякая чушь в голову лезет.

– Так, ну здесь, кажется, ягод больше нет. Пойдём дальше... Ах, вот. Ну и крупные! А запах!

Всё-таки земляника всем ягодам – ягода. Как там в песне поётся:

– Сладку ягоду рвали вместе, горьку ягоду – я одна.

Сказка ещё есть про кувшинчик и дудочку:

– ...Первую ягоду – кладу, на вторую – смотрю, третью – примечаю, четвёртая – мерещится...

Что-то мне мерещится в тенёчке отдохнуть где-нибудь под кустиком. А то на солнышке перегрелась – «шифер поехал».

Хрустнула ветка. Я вздрогнула.

– Юра! О, Господи, как же ты меня напугал. Я уж думала, медведь ломится. У меня, после этих рассказов, кругом медведи мерещатся. (Юра – мой племянник, сын Лиды).

Ну? Как производительность? Э, да ты, брат, видно больше в рот кладёшь. Витамины, говоришь? Ну, что ж, варенье – оно, пожалуй, не то, что свежие ягоды, но зимой оно тоже ничего. Ну, что? Дальше пойдём? А то здесь не иначе, табун лошадей прошёл, примяли больше. А ты в каком классе учишься? А шестом? Ну и как? Тройки? Плохо, брат. Что? И двойки бывают? Ну, уж это ты совсем напрасно. Бабка, говоришь, ругает? Ну, она тебя любит, добра хочет, вот и ругает.

Нервы у них, у взрослых. Слышал про такую штуку? Нервы эти самые, они как струна натянутая, им слабина нужна. Вот человек и расслабляется. Но при этом... Как бы тебе это объяснить попроще. Ну, у тебя рогатка есть? Была? Тогда представь, что ты резинку натянул, а теперь отпустил. Ну, что? А? Камень полетел? А тебя резинкой по пальцам щёлкнуло. Вот-вот, уловил. Самое оно. Человек расслабился, значит кому-то или шлёпнет, или полетит что-нибудь. Так что тут замкнутый круг получается. И расслабляться нельзя и не расслабляться нельзя. А если очень долго не расслабляться? Тогда ещё хуже будет. Эти нервы лопнуть могут и тогда, что куда полетит – не известно. Но всё равно пострадают и «нервный» и тот, в кого он расслабляться всё не хотел.

Нет, пожалуй я точно перегрелась. Что-то заговариваться стала и тебя совсем запутала. Оставим эти нервы в покое. Хотя мало приятного, если в тебя расслабляются. Я сама этого не люблю, понимаешь ли.

А где наши? Не слышно? А-у-у-у! Вот носятся. Гонки какие-то устроили. Им не ягоды собирать, а эстафету бежать с препятствиями. А уж препятствий-то здесь более, чем достаточно.

А это что за техника по краю дороги проехала? Я такой отродясь не видывала. Волокуща? Сани такие тракторные? Первый раз вижу, чтобы летом на санях ездили.

Юра, иди-ка сюда. Тут след какой-то интересный. Свежий совсем ещё. Кто-то босиком ходил. Ну и ножка, скажу я вам!

А пальчики – один, два, три, четыре, пять. Пять пальчиков! Смотри, вот и здесь ещё... и ещё. Что-что? Медвежьи? Нет, не может быть. Ты шутишь. След совсем свежий ещё, только-только прошёл. Да и откуда ему тут взяться. Здесь же дорога. Или ты хочешь сказать, что он всё время вокруг нас ходил, смотрел, как мы ягоды собираем? А ты знаешь, я слышала какой-то треск, когда наших кричала, но значения не придавала.

Что-то мне не по себе. И в животе как-то холодно стало. Куда же Лида с Наташей запропастились? Тут понимаешь ли медведи стадами ходят, а они унеслись. На нас тут нападение готовится, а им и дела нет. Эгоистки несчастные. А-у-у-у!

Я прислушалась... Тихо. Юра с улыбкой наблюдал за мною, потом по-мужски успокоил:

– Да нет. Медведь сейчас сытый. Не балует. Разве что на пасеку заберется, медком полакомиться. А так чтобы что... Нет. Да и пугливый он, шума не любит. Был у нас тут один случай. Ещё бабка Авдотья рассказывала. Так это когда ещё было. Да и зимою.

– Знаешь что, Юра, ты мне эту историю про медведя потом расскажешь. А сейчас – давай вернёмся в деревню. Так что – пойдём. И не спорь со мною. У меня руки-ноги дрожат.

Мимо нас по дороге пронесся «Пазик», подняв столбы пыли и надолго скрыл из виду не только саму дорогу, но и противоположный лес. Мы шли босиком по обочине, спо-

рили – велик ли был медведь, следы которого мы видели. Юра подтрунивал надо мной. Потом вспомнили о черничном пироге, который грозились испечь нам тётка Дарья.

Ноги приятно погружались в тёплую пыль. Легкий ветерок играл волосами. Я поднесла корзинку с ягодами к лицу, вдыхая удивительный аромат.

А всё-таки здорово идти вот так, никуда не спеша, наслаждаясь запахом ягод, трав, когда можно ни о чем не думать. И ни в кого-то тебе не нужно разряжаться.

Глава 20 Мои учителя

Много разных людей встречала я по жизни. Плохими они были или хорошими, не мне судить. Они были разными, и я училась у них. И я часто спрашивала себя: «Хочу ли я быть такой, как они и повторить их судьбу, или меня привлекает что-то другое?»

С детства у меня было странное ощущение, что взрослые «говорят неправду».

Я училась тогда классе в пятом. Дома у нас была газовая плита. Газовые баллоны развозили по улицам на машинах. Мать наказала мне следить, не приедет ли газовая машина. И оставила мне 50 копеек, чтобы я отдала их грузчику. И тогда он «подтащит баллон к дому поближе и в следующий раз выберет баллон потяжелее». Я пообещала всё исполнить, как надо, но не смогла. Когда приехала машина, я отдала грузчику квитанцию. А вот этот проклятый полтинник, который лежал у меня в кармане и чуть не прожёт в нём дырку, я отдать не смогла. И не потому, что решила схитрить. Я готова была швырнуть этот полтинник в след уехавшей машине. Я не смогла его отдать потому, что это была «взятка», что это было стыдно. А ещё потому, что «в нашей советской стране чаевыми нельзя унижать рабочего человека». И, честно сказать, ещё и потому, что у меня дрожали руки, и я краснела и бледнела одновременно.

Вечером я отдала матери эти несчастные 50 копеек, и мы ещё больше отделились друг от друга.

Попросил меня как-то отец привести к заводской проходной слепого деда, чтобы они пошли потом вместе с ним в баню. И вы знаете, мне было тогда стыдно. Я шла по улице, опустив голову. Ведь дед был такой чудной, старый, он даже летом ходил в валенках с калошами. Мне казалось, что все смотрят в мою сторону. Да ещё вредные мальчишки кричали мне вслед обидную дразнилку:

– Ленка, пенка, дай поленко! Нечем печку растопить! А поленко говорит: «У меня башка болит!»

Как я тогда была наивна. Да, я старалась жить по правилам. Но и из правил всегда находились исключения. Нужно было думать и думать, и ещё ставить себя на место другого человека, чтобы понять причину его поведения, чтобы «побыть в его шкуре». Не всегда это у меня получалось. Болезни роста давали о себе знать. Хотелось быть на виду, «соответствовать» и «служить примером». Да и тогдашняя система воспитания это поощряла. Но я благодарна школе, благодарна своим учителям за то, что они научили меня цельности, дали действительно сильные базовые знания по всем предметам.

Училась я в шестой Кинешемской школе. Моей первой учительницей была Элла Михайловна Эривман (блокадница). Помню её уроки пения, домоводства, когда она учила нас штопать носки. В то время к нам в класс ходили вожа-

тые – старшекласники. С ними мы ставили спектакли. Я даже сыграла роль сестры «суворовца». Школа научила меня чувству локтя, работе в команде, умению чувствовать общее настроение и способности подбирать единомышленников. А ещё я научилась не увязать в мелочах и видеть главное.

Инсценировки, концерты, ситцевые и осенние балы, выпуски стенных газет и игры в КВН – всё это было замечательной репетицией будущей взрослой жизни.

Преподаватель русского языка и литературы – Татьяна Сергеевна Белякова была ещё и нашей «классной». Благодаря ей, я полюбила русскую классику, научилась читать и слышать стихи, получать удовольствие от работы над сочинениями. Я ходила на её факультативы, где почерпнула много «непрограммных» знаний. Но самым замечательным в нашей классной было то, что она везде с нами «таскалась», не боясь ответственности. Мы побывали с нею на даче-усадьбе А. Н. Островского в усадьбе Щельково, ездили в усадьбу Н. А. Некрасова в Карабиху, ходили в походы, ездили в Ивановский цирк и краеведческий музей. Я могу забыть, где была и что делала вчера, но вот «цыган на цыпочках сказал цыпленку цыц!» или «уж замуж невтерпёж» – никогда. Почему-то выплыла из памяти ещё одна считалка для запоминания падежей – «Иван родил девчонку, велел тащить пелёнку» и для запоминания спектра солнечных лучей – «Каждый охотник желает знать, где сидит фазан».

Единственное, от чего я страдала в школе, – это мое «р»,

которое я не выговаривала. Я ужасно комплексовала ещё и от того, что меня передразнивали сверстники на улице. Исцелилась я удивительным и неожиданным образом, но это – уже другая история.

В школе, классе в седьмом, у меня была попытка писать стихи. Но, то ли стихи были плохи, то ли попытка пришлась не ко времени. А стихи были на тему борьбы с алкоголем. Я прочла эти стихи матери, но она почему-то посоветовала мне их уничтожить и больше никому не показывать. Я была удивлена, но последовала её совету. У меня тогда ещё была способность принимать чужие доводы на веру. Сейчас гласность и, я думаю, эти стихи можно» огласить»:

*...Возле магазина трактористы спят.
Зеленые бутылки дном своим глядят.
Дуся – продащица выполнила план.
Над травой некошеной пыль да туман.
Ой, трава – муравушка, кто тебя пожнёт?
Где коммунистический трудовой народ?
Ой же, где вы тракторы с маркой «Беларусь»?
Верю, ты поднимешься, ты воспрянешь, Русь!*

Тринадцатилетней девочкой я видела, что идет процесс деградации, спаивания народа, происходит что-то страшное в умах, в сердцах. Я видела это на примере своих соседей, знакомых и своих родителей. О, как я хотела за них бороться! Но я не знала, как. И ещё я чувствовала, что «это» меня

может тоже проглотить. Как я благодарна своим учителям, своей школе за то, что они меня научили «этому» противостоять.

Глава 21 Пожар

Мать умерла – 22 марта. Диагноз – отравление. Серёже исполнилось тогда 14 лет (он родился 28 марта). Я думаю, в тот год мы его даже с днём рождения не поздравили.

Я ждала чего-то подобного, давно ждала. Ждала трагедии. Но всё произошло как-то неожиданно. Всё в тот год как-то сразу навалилось.

...Тело лежало на полу в нелепой позе. Это было тело моей матери. Но я словно окаменела. Я ничего не испытывала. Ни слезинки я не проронила ни в тот день, ни на похоронах. Тело завернули в гобеленовое покрывало и погрузили на машину. Отец был спокоен. Он всё делал сам. Он, как всегда, всё делал сам. Но я видела, что он надломился. Он любил мать, он слишком любил мать:

– Лиза, Лиза, Лизавета.

Я люблю тебя за это...

И за это и за то.

Не забуду ни за что...

На похоронах было очень много народу. Я была поражена, что столько людей пришли проводить мою мать. Улица была просто запружена людьми.

Серёжа стоял около гроба. Маленький, худенький подросток. Папин «последышек». Отец часто говорил, что вот бу-

дет ему кормилец на старости лет. Его слова удивительно точно исполнились. Именно Сергей кормил его с ложки во время болезни и принял его предсмертный выдох.

Гроб несли только женщины – подруги матери. Я мало что помню о том дне.

Потом отец раздал все вещи матери. И этим же летом... – женился. Мы были удивлены, но отца не осуждали.

Не прошло и месяца с тех пор, как в дом пришла другая женщина, как случилась новая беда. Сгорел наш дом. Сгорел дотла. Когда я увидела голые печные трубы, то заскулила, как собака.

Загорелось в половине брата отца. Отец помогал брату вытаскивать цветной телевизор, у себя же успел спасти только документы. Даже иконы не вынес. Сгорела большая старинная икона Николая – Угодника в серебряном окладе и море книг. Очень жаль книги. Было много старинных книг (в бархатных переплетах и с металлическими запорами на церковно-славянском языке).

«Кумушки» поговаривали, что это мать унесла всё с собой.

По пепелищу носились кошки и вопили на всю улицу. Я зажала уши руками, чтобы не слышать, как они верещат. Возле дома бегал Стёпка и заглядывал нам в глаза, словно спрашивая:

– А как же теперь я? А что будет со мной?

Отцу временно дали комнату у заводской проходной.

Стёпку отдали «в хорошие руки». Но он пожил там не долго – попал под машину. Ведь он совсем не боялся машин и так любил ездить на первом сиденье.

Отцу с новой женой не повезло. Он говорил, что «попал в вагон некурящих». Мы и сами это видели. Мне было жаль отца, жаль Сергея. Но отец сам меня учил:

– Выбрал «моклок» – гложи, на чужой не зарься.

Стояла осень. С неба свисали тяжёлые, наводопевшие тучи, дул холодный ветер. Я давно не была на могиле матери. Но, наконец-то вырвалась. С трудом отыскала знакомую ограду. Могила заросла лебедой. Лебеда стояла ровной стеной, выше ограды. Мне стало стыдно. Стыдно перед людьми, перед Богом, перед матерью. И ещё я поняла, что мои детские обиды ушли. Осталась жалость и боль. Я рвала лебеду и плакала, и просила прощенья у матери, и дарила ей свое позднее прощение. Дома я выплеснула свои чувства на бумагу:

*Лебеда на могиле матери,
Как пощёчина, как позор.
И ограды железной ржавчина —
Мне «оттуда» немой укор.
Подкатило, и камнем у горла,
И мурашками по спине.
Нет, не мы матерей выбираем.
И тебя осуждать не мне.
Ты прости, если сможешь, милая,*

*Я сама не прощу себя.
Как же больно, что и не выплакать,
Поздно я поняла тебя.
Поняла, как живая, гордая,
Ты бежала от суеты.
Одинокая и не понята.
От себя не сбежала ты.
Я теперь не девчонка, женщина.
Я простила, и ты прости.
Всё, что было тобой завещано,
Мне теперь до конца нести.
Вороньё расшумелось чёрное.
Из-за леса спешит гроза.
Ухожу, а спиною чувствую
Осуждающие глаза.
Лебеда на могиле матери,
Как пощёчина, как позор.
И ограды железной ржавчина —
Мне «оттуда» немой укор.*

Жизнь продолжалась. Встречи, события, мелочи, из которых слагался новый духовный опыт, новое видение мира, новое её понимание. Я училась видеть важное, слышать голос совести, находить крупинцы золота в горах пустой породы и ещё – нести свой крест.

Я узнала, что первый крест – самый легкий, дан Богом, и нести его помогает сам Господь. Уйдя от креста, обретёшь другой – более тяжёлый. А ещё – необходимо пройти все ко-

ридоры, чтобы попасть в нужную комнату. Иначе придётся несколько раз возвращаться к одной и той же двери. Так важно при этом благодарить за всё Бога – за людей, которых Он нам дал, за радости, за скорби, за болезни, за мудрость и простоту, за взлёты и падения. За всё спасибо Тебе, Господь! За то, что Ты научил нас творить добрые дела! За то, что Ты вытащил нас из глубокой ямы и никогда не вспоминаешь об этом! Спасибо Тебе, Господь!

Книга жизни написана про нас с вами. И мы должны дорожить ею и прочитать её своим детям. А наши дети прочтут её своим детям и внукам. И пусть каждый из нас напишет свою книгу жизни так, чтобы было ощущение радости и завершенности, чтобы не было стыдно за чёрные страницы жизни вне Бога, вне Света, вне Любви (хотя это и одно и то же). И тогда не будет причины бояться за судьбу наших детей, и нам не придется жаловаться на них чужим людям.

Удивительная штука – жизнь. Мы торопим события, ждём чего-то «такого»... А потом оказывается, что пропустили самое главное, «профукали».

Мы хотим быть на кого-то похожими, соответствовать неким стандартам и только вредим себе. А мы тем и ценны, что не похожи друг на друга. Господь создал нас такими, зачем же спорить с самим Творцом? Иногда мне кажется, что вот она, это вершина, к которой я так долго шла. Но, проходит время и оказывается, что это была всего лишь ступенька.

Главное не стоять на месте, а идти и идти вперёд. Оста-

навливаться нельзя, иначе скатишься вниз, назад и придётся всё начинать сначала.

Я верю, что когда-нибудь я научусь летать. Я приду на самый красивый берег Волги, оттолкнусь от края обрыва и полечу над водой высоко-высоко, как птица. И белые чайки полетят со мною рядом. И будут кричать, кричать... Только бы сердце не выскочило из груди от восторга.

И как было бы здорово, если бы это увидел мой отец.

Вот он стоит на берегу, улыбается, машет мне рукой и шепчет: «*Она полетела, она всё-таки полетела...*»

И плачет. Улыбается и плачет...

Часть 2 Прощёное воскресенье

Дивны дела Твои, Господи.

Ты управляешь движением хаоса и превращаешь хаос в поток. Ты творишь чудеса и из любого падения воздвигаешь великий подъём. Так, что дивятся люди и говорят:

– Не было бы счастья, да несчастье помогло.

Что есть счастье и несчастье в Твоих глазах, Господи, и в глазах людей плотских?

Человек живой после «смерти» совершает прорыв в вечность, побеждает смерть, поднимается над людским судом, становится признанным и неоспоримым. Враги его, судьи и обличители становятся уязвленными, слабыми и беспомощными. Оставаясь по плоти живыми, они суть мертвецы. Он же, умерший, становится живым и могущественным и обретает власть и влияние, необъяснимое по земным меркам. Мертвец же после смерти рассыпается в прах и нет памяти по нём. Ибо, чем помнить мертвеца?

По вере жить – легко и страшно. Легко тем, кто доверился, как дитя, по чистоте и безгрешности своей. Страшно тем, кто много вкусил от древа познания добра и зла, кто много изучал законы устройства мира и порядок вещей, пытаясь подчинить их уставам и правилам.

Глава 1 Что случилось тогда 21.01.81 г.

После окончания школы я поступила в Ивановский энергетический институт. На пятом курсе вышла замуж. Домой я больше не вернулась. С отцом уже не было такой близости, а с матерью общаться становилось всё труднее и труднее. Мое замужество больше походило на побег из дома. Но «от себя не убежишь». Если уж тебе положено сдать шесть экзаменов в жизни, ты их непременно сдашь. В другом месте, в другое время, но сдашь.

Свекровь стала для меня второй матерью.

По распределению я была направлена цеховым механиком в г. Вичуга на фабрику им. Шагова. Там мне дали малосемейку. Муж со мной не поехал. Пришлось мне бросить квартиру (я ждала ребёнка), работу и переехать к мужу в Кинешму. После этого мы прожили в доме его родителей десять лет. Жили за занавеской, отдельной комнаты не было. В 1981 году родился Саша.

Это мягко сказано «родился». Почти всю беременность я пролежала в патологии (в роддоме) на сохранении с диагнозом – угрожающий выкидыш. Рожала 21 января – в день смерти Ленина. Тогда это имело значение.

Накануне меня осмотрел врач и сказал, что я буду рожать. Мне дали выпить стакан касторки, хину и сделали какой-то

укол в ногу. Через некоторое время начались боли. Но я была терпеливицей. Легла на бочок, интуитивно положила ладони на поясницу. От рук пошло успокаивающее тепло. Боль стихла и я уснула. В течение дня ко мне несколько раз заходили, делали уколы. Но схваток не было. Ночью мне дали поспать. А рано утром повели в «родовую». Мне поставили капельницу, сделали заморозку (было ягодичное прилежание). Врач села возле меня с пеленкой в руке. Она сидела очень долго, устала и ушла. Было около часу дня, когда во мне что-то лопнуло и хлынуло на пол. После этого начались схватки. Рядом никого не оказалось.

Сколько прошло времени, не знаю. Пришла санитарка с ведром. Я ей сказала, что у меня сошли воды прямо на столе. Она подошла поближе, что-то увидела, ахнула и убежала прочь.

Врачей появилось сразу очень много. Я поняла – что-то неладно. Одни просили меня тужиться, другие – не тужиться. Поставили капельницу на вторую руку. Единственное, что я поняла из их разговоров, что выпала пуповина и не прослушивается сердцебиение ребенка. Потом первый раз резали, резали по-живому, заморозка за шесть часов отошла. Боль была страшной, похожей на прикосновение чего-то раскаленного. Я не закричала, я рывкнула. Это был вопль животного.

Ребенок шёл ягодичками. Врачи пытались выправить ножки, но ничего не получалось. Врачей было слишком мно-

го и они больше мешали друг другу. Кто-то следующий взял скальпель, и я рывкнула во второй раз. Я видела перед собой белые халаты, залитые кровью, забрызганные кровью очки. Одна мысли точила сознание – когда кончится весь этот кошмар. Меня уже не заботила судьба ребёнка. Я уже ничего не понимала. Мне давили на живот и кричали одновременно: «Тужься! Не тужься! Дыши глубже!»

Наконец удалось выправить ножки. Начали тащить ребёнка, но теперь застряла головка. Врачи нервничали.

Потом пришёл главврач и тоже взял скальпель. В третий раз я рывкнула так, что сорвала голос, и язычок во рту, расположенный над гортанью, распух, затрудняя дыхание. Я хватала воздух и задыхалась.

Раздался какой-то хлопок и я почувствовала пустоту внутри. Это вытащили, наконец-то, ребёнка. Меня оставили в покое. Все окружили ребёнка. Они долго с ним ходили, что-то делали, уносили в другую комнату, спорили, потом унесли совсем. Мне ребёнка не показали, плача я не услышала.

Была страшная слабость и опустошённость. Я просила проколоть мне то, что мешало дышать в горле. Болело сразу всё. И ещё был голод. Я не ела почти два дня и просто умерла с голоду. Ко мне подошла санитарка, ничего не говоря, погладила меня по голове. Я попросила принести мне что-нибудь поесть. Санитарка принесла мне сухарь из моей сумки и дала мне воды из поильника. О, я надолго запомнила

этот сухарь. Я плакала, грызла сухарь и давилась.

Потом меня начали штопать (то же по – живому). Шили долго. Я просила дать мне время, перевести дух. Наложили семь швов.

Вечером ко мне в палату зашла детский врач. Очень сухо она объявила мне, что родился мальчик – 3400 и что его завтра утром отправляют в детскую больницу. И ещё она добавили, как бы между прочим:

– Ваше счастье, если ребенок умрёт.

Некоторые строители ставят во главу угла своего здания страх и используют страх в качестве связующего звена (что-то вроде цемента). И стоит это здание, и красуется, и держится на страхе до тех пор, пока камни не устанут жить в страхе и не захотят любви.

Ибо в природе человеческой заложена жажда любви, необъяснимая и непонятная самому человеку, ибо он не знает происхождения её.

И когда человек возжелает любви, то само место пребывания его и сопричастность злу станут ему ненавистны, и зло вокруг него рассыплется и превратится в прах (ибо будет исторгнуто). И начнётся великое разрушение здания того. Ибо не тот камень поставлен во главу угла и не тот цемент применял для здания своего нерадивый строитель. И будет то падение страшным и разрушение полным, так что камня на камне не останется.

Но придёт мудрый строитель. И поставит во главу угла

любовь. И сделает крепкий фундамент, основанный на любви. И любовью скрепит между собой камни. И будет то здание прочным и величественным. И дожди не вымоют тот цемент из камней, и ветер не разрушит его, и годы не нанесут ему уцерб.

Я плакала долго и безутешно. Мне было жаль ребёнка, жаль себя. Я лежала с грелкой, в которой был лёд. Ткани распухли, отекали до невероятных размеров. Я чувствовала себя никому не нужным куском мяса. Было такое отвращение к себе, что не передать. И боль, страшная боль от любого движения. Я так долго плакала, что мир для меня погрузился в темноту. Я перестала видеть свет. Моя слепота длилась около суток.

Всем приносили на кормление детей. Я отворачивалась к стене и кусала губы, чтобы не закричать.

На пятый день мне сняли швы и выписали из больницы. Предупредили, что рожать нельзя, «не правильный таз» (какой-то плоский).

Я оставляла роддом, как преступница покидает место своего длительного заточения. Внутри была пустота. Каждый шаг давался с трудом.

Мне дали справку о рождении ребёнка и выписку для детской больницы:

21 января 1981 г. Мальчик. Вес 3400. Рост 55 см.

Асфиксия, внутричерепная травма, кровоизлияние в мозг.

Прилагались результаты анализа спинномозговой жидкости. Боже мой! Они брали у крошки пункцию!

У меня подкосились ноги. И я почти сползла по лестнице до первого этажа. Внизу меня встретила свекровь.

На улице ждала машина. Свёкор тогда ещё работал на такси. Я забралась на четвереньках на заднее сиденье и так ехала до детской больницы.

В больнице я в первый раз увидела ребенка. Саша лежал тихо. Весь беленький. На головке – грелка со льдом. Головка сильно деформирована.

Нам сказали, что ребёнка сейчас трогать нельзя, что очень большая гематома от кровоизлияния. Что кормят его через зонд, так как нет сосательного рефлекса. И ещё у него пневмония. И сказали, что такая мамаша (это про меня) им не нужна, так как за ней самой ещё нужен уход.

Мы уехали домой. К Саше мне разрешили лечь только через две недели. Всё это время он находился между жизнью и смертью. И один только Бог ведает, как он выжил.

Бог никогда не ограничивает человека в его желаниях и стремлении к росту. Наоборот, Он всячески поощряет желание человека двигаться вперёд.

Другое дело, что человек испытывает трудности, встречается на пути препятствия, словно сдаёт экзамен. Но эти застойные зоны служат не чем иным, как площадкой для подъёма на следующую ступень. За каждым успешно сданным экзаменом следует подъём.

Растёт вера в себя, в свои силы. И всё это в сочетании с осознанием собственной немоции.

Человек учится двигаться в потоке, но это не тождественно «плыть по течению». Двигаться в потоке – это использовать силу течения в собственных интересах, это работа с парусом, это мудрость, сложенная из опыта нескольких поколений.

А я тогда даже не знала, что такое молитва, или не хотела знать. Но были две женщины, которые усердно молились о здравии младенца – моя бабушка Марья и баба Оля (бабушка мужа).

Именно баба Оля показала мне пример христианского послушания и милосердия. Воистину она была Ангелом на земле, и даже смерть её была примером смирения. Она умерла, когда её об этом попросили.

Пока Саша лежал в больнице, мы ежедневно справлялись о его состоянии. Температура не спадала ниже 39 градусов. Двигательная функция не восстанавливалась. Сосательного рефлекса не было, поэтому его всё ещё кормили через зонд. Приговор медиков оставался суровым.

Наша родственница передавала нам мнение врачей и настойчиво советовала сдать ребёнка в дом малютки. Но мама (свекровь) была на моей стороне, дед (свекор) не вмешивался. А муж? Не знаю, что и сказать...

Оля (Сашина сестра, родившаяся через 15 лет) как-то спросила меня:

– А почему ты бабу Катю называешь мамой, а деда – дедом?

Сложный вопрос. Чтобы ответить на него, нужно прожить целую жизнь.

Всё это время я сохраняла грудное молоко.

В больницу к Саше я легла в феврале. То, как выглядел ребенок, было ужасно. Саша потерял целый килограмм веса. Его шея вытянулась и была покрыта морщинами. Голова беспомощно болталась. Он ни на что не реагировал.

Лечащий врач сказала мне, что будет всем лучше, если ребёнок умрет, так как, в последствие, он будет или полностью невменяемым, или останется эпилепсия. И ещё она добавила:

– Чудес не бывает.

Я тогда подумала, что все сговорились.

Беда человека в том, что он постоянно стремится развиваться, меняющуюся, мыслящую материю поместить в жесткие рамки холодных формул; закрепить, зафиксировать и при этом навесить ярлык собственника – изобретателя нового закона.

Но живая материя создана Творцом и подчиняется не земным законам, а Божьей воле. Человек живой, человек творческий – с нестандартным поведением, это человек не от мира сего.

Но Господь милостив. Он послал мне ещё одного врача – Людмилу Александровну Обалдуеву. Она осмотрела Сашу и

сказала мне просто:

– Да, чудес не бывает. Но в моей практике был один единственный случай – девочка. Сейчас она отличница. Давайте делать массаж. На ступнях ног и ладошках малыша спроецированы все органы. Давайте разбудим его. И спинку тоже. Вот так, – она начала мне показывать приёмы массажа, – будем поглаживать вдоль спинки. И разговаривать с малышом, с ним нужно разговаривать. И купать каждый день. Теперь его можно купать. Пусть родственники принесут вам аптечную ромашку.

Людмила Александровна научила меня делать массаж. И ещё я сцеживала грудное молоко и по капле давала ребёнку (капала в рот). Я носила Сашу на руках, купала, просто тербила и разговаривала с ним. А он, казалось, ждал этого. Ему было просто некуда вернуться из небытия (не к кому). Теперь возле него была мама.

Саше назначили внутривенные уколы. Их делали в голову. Он всегда очень кричал (у него появилась сила кричать!). Его приносили из «процедурной» в окровавленных бинтах. Для меня это было сущей пыткой.

Со мною в отделении «паталогии новорожденных» лежала молодая женщина. Её звали Лида. Она работала медсестрой где-то в Шилекше. Её мальчику было уже шесть месяцев, но он ни на что не реагировал, лежал неподвижно. Так вот, эта молодая женщина проявляла ко мне столько участия, что я даже плакала. Одна только её фраза никогда не

будет мною забыта:

– Уж хоть бы у тебя было хорошо, Лена. Не всем же так мучиться, как мне.

Лида сказала мне, что своего ребёночка она ни за что не оставит. А от мужа уйдет и устроится работать туда, где «такие дети», чтобы самой ухаживать за своим ребёнком.

Моя жизнь богата такими удивительными встречами. И я искренне благодарна Господу, что он посылал мне таких людей, находил слова утешения, вселял в меня Веру и Надежду. А Надежда умирает последней. А Вера творит чудеса:

Выпиты губы, молчат глаза.

Руки забыли смелость.

Только со мною мои друзья —

Вера, Надежда, Верность.

Если неправда стучит в окно,

Если глумится серость,

Мне помогают не пасть на дно —

Вера, Надежда, Верность.

Сто лицемеров кричат: «Ура!» —

Славя на троне мерзость.

Только они не умеют лгать —

Вера, Надежда, Верность.

Если сомненья терзают грудь,

Если теряю крепость,

Только они и спасут меня —

Вера, Надежда, Верность.

Малыш удивлял меня каждый день. Он уже сосал молоко из пузырьёчка, сначала по капелькам, потом больше. Но его мучила рвота. Всё молоко вылетало фонтаном назад. Постепенно рвота утихла. Малыш начал шевелить ручками и ножками, следил глазами за игрушкой, реагировал на мой голос. Он научился поворачивать головку, перебирать ножками, имитируя ходьбу. Ежедневно он начал прибавлять в весе на 30–50 грамм.

Тогда я не понимала, что на моих глазах происходит чудо.

Выписали нас 12 марта. Саше было почти два месяца. Он набрал свой вес при рождении и весил теперь 3600. Нас поставили на учёт у психоневролога, дали инструкции по уходу и выписали лекарства.

На «пятки» приехали мои родители. В тот день я видела свою мать в последний раз.

Тогда же была рассказана история Сашиного рождения. Рассказала её золовка. А она узнала её от своей знакомой (врача из роддома):

– Шла пересменка, поэтому врачей в родовой и не оказалось. Случайно туда зашла санитарка и увидела, что выпала пуповина. Прибежали врачи обеих смен. Пульс ребенка не прослушивался, поэтому о нём уже не думали. Спасали мать. Кесарить было поздно. Ребёнок был крупный. Шёл ягодичками. Несколько раз иссекали промежность. Головка застряла в малом тазу. Ребёнка пришлось тащить за ножки. Это был мальчик, хороший, доношенный. Но сказалась ас-

фиксия и сильнейшая травма при родах (был поврежден позвоночник и сильно травмирована голова). Никто не знал, сколько времени ребёнок был без кислорода. Сделали всё, что могли – искусственное дыхание, давали кислород. Ребёнок был мёртв. Трупик завернули в простынь и оставили на подоконнике. У матери было слабое сердце и ей решили пока ничего не говорить. Терапевт, который следил за состоянием матери во время родов, сам упал в обморок. Да и было от чего. Все в крови переляпались, как поросята.

Через два часа главврач начал выписывать справку о смерти ребёнка и послал сестру, чтобы она взвесила его. Та прибежала «без лица». Оказалось, что ребёнок «порозовел и дышит». Главврач сам пошёл взглянуть на это чудо. У мальчика тут же взяли пункцию. Спинальная жидкость была мутной. Кровоизлияние в мозг и травма позвоночника не давали ему шансов. Росло внутричерепное давление. Двигательной функции не было, сосательный рефлекс отсутствовал. На следующий день поднялась температура. Началась пневмония.

Только 21 год спустя Господь открыл мне, как он спас удобного ему младенца. Другие дети, которые родились в этот день, погибли от инфекции стафилококка (говорили, что им сделали какие-то прививки и занесли инфекцию). В день рождения Саши – 21.01.2002 г. я вдруг осознала, что идет третий день Крещения. Крещенская вода сохраняет свою целебную силу три дня. Мертворожденный младенец

был омыт Крещенской водой и воскрес.

Однажды мне рассказали одну поучительную притчу.

У одного крестьянина был единственный сын. И вот этот крестьянский сын очень угодил барину. То-ли спас барина, когда тот чуть не утонул, то ли его сына, когда у того понесла лошадь. Никто этого не помнит. Но вот этот самый барин взял и подарил крестьянскому сыну коня. А сосед у крестьянина позавидовал барскому подарку и говорит крестьянину:

– Ну-ка ты, какого коня барин подарил твоему сыну!

На что крестьянин ответил:

– А я не знаю, хорошо это или плохо.

Шло время. Решил крестьянский сын прокатиться на новом коне. Но конь чего-то испугался и встал на дыбы. Крестьянский сын упал из седла и сломал ногу.

Услышав об этом, сосед удивился:

– Ну, сосед, ты словно предвидел, что от этого подарка хорошего не жди.

На что крестьянин спокойно ответил:

– А я не знаю, хорошо это или плохо.

Вскоре началась война. Всех соседских парней позабирали в солдаты. А крестьянского сына не забрали.

Завистливый сосед и говорит крестьянину:

– Смотри-ка, как тебе повезло. Всех сыновей забрали в солдаты, а твоего оставили.

На что мудрый крестьянин ответ:

– А я не знаю, хорошо это или плохо...

Тогда (12.03.81 г.) дед Саша, в честь которого я и назвала сына, взял внука на руки и провозгласил так, как это умел делать только он:

– И такого парня хотели на помойку выкинуть! У, ироды! Ты, дочка, не верь никому. Богатырь будет! Корми его. А я от старых людей слышал (а они в умных книгах читали предсказания), что де будет на Руси последний царь. И родится он мёртвым и воскреснет.

Я тогда не очень-то слушала папины сказки, только улыбалась. Уж больно хил был будущий богатырь и царь. А зря. Сейчас наш малыш при росте 180 см весит 120 кг, меня одной рукой поднимает. Знакомые удивляются и спрашивают:

– И чем вы такого богатыря выкормили?

Мне бы гордиться и радоваться.

А я не знаю хорошо это или плохо...

Глава 2 Моя новая семья

Моя свекровь – Екатерина Ивановна действительно заменила мне мать. Учила всему, что умела сама. Я не помню, чтобы мы с ней когда-то повздорили. Свёкра – Владимира Ивановича почти не бывало дома.

В моём новом доме очень любили воспоминания.

Дед мужа – Потехин Иван Иванович погиб под Сталинградом в 1942 году. Служил рядовым в 212 Ивановской дивизии 72 Кинешемского полка. Мы с мужем побывали летом 1979 года на Мамаевом кургане в Волгограде и там нашли в списках его деда. До войны дед был председателем колхоза «Первое мая» в д. Фатиха Кинешемского района. Его брат – Потехин Николай Иванович организовал первую коммуну «Имени Третьего Интернационала» в д. Максимиха.

Мой свёкр очень любил своего свата (моего папу). Было у них много общего – война, Германия, оба «шоферили». Они даже внешне походили друг на друга – небольшие ростом, коренастые, крепкие, как грибы. Только у Владимира Ивановича была густая шевелюра, а у Александра Михайловича – лысина.

Когда они с моим папой начинали вспоминать войну, то маленький Саня сидел возле них, разинув рот. И было что послушать. Об этом ни в одном фильме не увидишь.

Папа рассказывал, как взял его однажды генерал на реку

раков ловить:

– Ну, раки раками, но не генеральское это дело в реке сидеть. Показали как, объяснили, и: «Иди, Сашка, раков таскай».

А сами сидят, пиво с полковником попивают.

Я одного рака вытянул, другого. Вдруг слышу, сильно схватил, боль нестерпимая. Руку вытащил, а на ней – крыса огромная, да ещё какая-то сине-зеленая. Я завизжал и – дёру из реки. Сколько они меня потом не уговаривали, я – наотрез. Стреляйте мол, не пойду в воду.

Папа давал нам потрогать осколок снаряда, который остался у него с войны в ноге. При этом говорил, что один раз уж точно должен был погибнуть, да видно не время ещё:

– Мы тогда маршем шли. Дали нам перекур. Мы так, как шли, рухнули, даже не рассредоточились. Нас там человек пятьдесят лежало. Так снаряд в самую серёдку к нам упал. Ну, мы лежим, не шелохнёмся. Но не разорвался. Кто-то из нас в рубашке родился.

Далее эстафету принимал Владимир Иванович:

– А я на фронт в мае 42-го попал. Отца в этом же году забрали – в марте, а меня выходит – через месяц. До войны я на гужавтотранспорте работал слесарем – механиком, образование-то – пять классов. А до того и грузчиком в колхозе работал и поммастера на «Томне» (ткацкой фабрике). Служил я в 9-м Танковом Корпусе, 1-й Танковой Армии, 8-й Мотострелковой Бригады, во втором батальоне на противо-

танковой батарее. Награждён двумя Орденами 2-й степени, Орденом Красной Звезды, Медалью «За отвагу».

В учебке я был в посёлке Кузьминки на станции Липняки. Там и была сформирована 8-я Мотострелковая Механизирванная Бригада. Назначили меня командиром расчёта противотанкового орудия (сорокопятки).

Прошёл я и Центральный и 1-й Белорусский фронта. Сильных ранений не было. Так – царапины. Вокруг столько людей полегло, а мне – ничего. На Курской дуге контузило. Кровь из ушей текла. Ничего не слышал, только гул стоял. После того сражения из 40 наших ребят в живых только 15 осталось. Я в госпитале три дня пробыл и назад сбежал – к своим.

Перед самым наступлением на Курской дуге у меня встреча произошла с командующим фронтом Рокоссовским. Серьёзный мужик был, высокий, худощавый. Мы с вечера были «накушамшись», вот и отсыпались в стогу. А часа в 3 утра выбрались из стога. Вид, конечно, ... ну совершенно не соответствует. И все в соломе. А Рокоссовский перед наступлением войска объезжал:

– Что такое? Кто разрешил это безобразие?

А мы стоим, как пни, глазами хлопаем, молва отнялась, и солома в голове торчит. Отведал я тогда плетки главнокомандующего.

За Курскую дугу я первый Орден ВОВ 2-й степени получил – подбил два немецких танка.

Второй Орден ВОВ мне дали за Юнкерса 88-го. Стояли мы на позиции. Тут этот немец налетел и пошёл нас колошматить. Земля к небу летела. Света не видать. И ведь, сволочь такая, все бомбы раскидал, а угомониться не может. Решил нас ещё и попугать. Тут я его на бреющем полёте из противотанкового орудия и сбил.

Осколок на щеке – это память, чтобы рот не разевал. Мы уж тогда Днепр форсировали. Я из окопа башку высунул, тут мне осколок щёку и разрезал.

А то был случай уже в Польше. Тогда наступление шло. Неразберихи много. Ехали мы ночью в колонне. Темень – глаз выколи. Моя пушка была замыкающей. Так вот, на мою пушку ночью немецкий транспортер в темноте наскочил (сзади в нас немецкая колонна врезалась). Да так, что ствол моей пушки в радиатор их транспортера вошёл. Ладно, мы заснули. А они-то что, спали что ли?

Ну, тут стрельба пошла. Все равно ничего не видать. Немцы порыпались – порыпались, с моей пушки им не слезть, так и дали дёру прямо через поле. А я пушку к лесу прямо с транспортёром оттащил и уж там кое-как расцепились. На войне всякое бывало. Где свой? Где чужой? Поди – разбери.

А Красную Звезду я за Бобруйск получил. Там под Бобруйском через болота прорывались семь немецких дивизий. Ну, немец очумевший валил. Пехота наша вся разбежалась. Осталось нас всего два расчета по 6 человек. Я вижу, что пехота драпает. А у нас – орудия. Я и отдал приказ: «Ни шагу

назад!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.